

Елена Анатольевна Коровина

Москва мистическая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3120375

Елена Коровина. Москва мистическая: Центрполиграф; Москва; 2012
ISBN 978-5-227-03321-5

Аннотация

Москва обладает совершенно особой магической энергетикой. Здесь перепутаны все нити белой и черной магии. Уникальная особенность Москвы в том, что в ней отрицательная энергия постоянно трансформируется в положительную, разрушительная сила начинает творить созидание даже против собственной черной воли, разламывающиеся замыслы собираются воедино, чтобы вместе и общими усилиями решать ту или иную задачу.

Тайны Первопрестольной куда глубже и загадочней, чем видятся на непосвященный взгляд. И это не простая бытовая мистика, не какая-то мелкая чертовщина, набитая колдовскими штучками, – нет!

Это великая магия города, которой все равно, с каким знаком выступать – с положительным или отрицательным. Это мы, горожане, должны научиться управлять хотя бы частью этой тайной силы – узнать о ней побольше и обращать ее себе во благо.

Содержание

Вступление	6
МИСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	8
Встреча у телеграфа, или Двенадцатый рубль Улица Тверская, № 7	10
Свет в старинном окне Тверской бульвар, № 17	14
Некто в ночном переулке	22
ПОЛУНОЧНЫЕ БЛУЖДЕНИЯ ПО УЛИЦАМ МОСКВЫ	24
«Куда ни пойду, все к кремлевским стенам выйду»	25
Львы, единороги и кровь на мостовой	27
Любитель девственных экземпляров и нашествие кошек	31
Дамский чулок в темном проеме	34
В любой конец за 10 копеек	38
Сгоревшие ассигнации	41
ПРОТИВОСТОЯНИЕ, ИЛИ КУЛИЧКИ КНЯЗЯ ТЬМЫ	45
Игры в Кулишках	46
Бесовское действо	47
Великий ужас в церковной богадельне	50
САМОЕ МРАЧНОЕ МЕСТО НА КАРТЕ МОСКВЫ	54
«Во искупление грехов своих...», или «Будешь иметь злое чадо...»	55
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Елена Коровина

Москва мистическая

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Вступление

Городов с тайной мистикой на свете множество. Наверное, любой старинный город вполне может претендовать на звание мистического. Вот только мистика у всех разная – где-то волшеббно-светлая, а где-то завораживающе-темная.

Эзотерики говорят, что в мире есть три мистические столицы черной магии: Турин, Пьемонт и Прага. Есть три столицы завораживающей магии: Венеция (мир маскарадного вихря), Санкт-Петербург (мир заснеженный и заснувший, как Спящая красавица) и Сан-Франциско (мир накатывающей волны). Ну и есть три столицы белой магии: селение-тайна – Колон (штат Мичиган, США), город старинного английского камня – Йорк и город света и влюбленных – Париж.

Москва не вошла ни в одну тройку. Знаете почему? Потому что московскую магическую энергетику невозможно определить – она странная, невероятная, постоянно меняющаяся. Как утверждают эзотерики и экстрасенсы, это совершенно *особая* энергетика – свитая в сложный неразъединяемый клубок. В нашем городе возникают любые вихри – хоть безудержного праздника, хоть клонящей в сон усталости. Здесь перепутаны все нити белой и черной магии. К тому же существует уникальная особенность: на улицах и площадях, в домах и парках нашего города отрицательная энергия постоянно трансформируется в положительную, разрушительная сила начинает творить созидание даже против собственной черной воли, разламывающиеся замыслы собираются воедино, чтобы вместе и общими усилиями решать ту или иную задачу. Словом, происходит то, о чем когда-то заметил Гете в своем «Фаусте»:

Я – часть той силы,
что вечно хочет зла
и вечно совершает благо...

Вот такая наша Москва – великий град, и мистика ее велика есть. Любая, казалось бы, простейшая история, начинаясь здесь, на улицах и площадях великого города, становится великой. Рассказ вырастает в легенду, а легенда становится кирпичиком городского эпоса. Ну а эпос города определяет уже судьбу страны.

Впрочем, горожанам все эти легенды видятся обычными городскими историями – это случилось вот на той улице, а это – вон в том доме. Обыденная жизнь смешивается с мистической, дневная с ночной.

О, эти ночные часы города! Из улиц и площадей, на которые днем и внимания не обращается, ночная жизнь создает пути загадок и тайн, рассыпанных по ночным тротуарам, столь не похожим на дороги дня. И лица людей, вступающих на эти ночные тропы, совершенно отличны от лиц этих же людей, спешащих по дневным делам и хлопотам.

Это лица тех, кто увидел тень *тайны*. Конечно, тайну полностью постичь невозможно, на то она и тайна. Но даже некий кусочек ее, постигнутый иногда преднамеренно, но чаще случайно, делает человека навсегда иным.

Он начинает видеть тайную суть прежде обыденных вещей, постигать тайные знаки, подающиеся судьбой, хотя раньше он в эту судьбу и не верил вовсе. Его душа теперь томится среди скучно-привычного и требует *познания тайны*. И тогда люди начинают задумываться о загадочной сущности бытия, читать литературу о непознанном, захаживать на сайты мистических и оккультных знаний.

Из встреч именно с такими людьми, столкнувшись с тайной стороной московского бытия, и родилась эта книга. Речь пойдет только о том, чему либо я, либо мои друзья, род-

ственники были свидетелями, а то и сами участвовали в неоднозначных мистических событиях. Страшась притягательного прикосновения к тайне *города*, эти люди взахлеб рассказывали о тех невероятных случаях, что приключились с ними. Именно так книга наполнилась реальными историями, живыми чудесами, в которые можно не поверить, но игнорировать их нельзя. Ибо и чудеса, и волшебство, и таинственные события вкупе с загадочными участниками оказались абсолютно реальной частью истории Москвы – истории тайной, загадочной, еще не понятой. Однако она существует, отражая явную дневную историю – как тень отражает свет солнца и луны, как загадка прячет в себе разгадку, как тьма зла оттеняет и высвечивает свет добра.

Словом, тайная ночная жизнь, полная кошмаров и страхов, и есть та самая сила Москвы, что рождена злом, но вечно совершает добро. И Москва мистическая продолжает и высвечивает историю Москвы обывденной. Потому что и сила ночи служит великому городу и его людям.

Наш город за тысячелетия накопил тягучие клубки тайн. Узнав их, можно найти силу и исполнить желания, получить обереги и развить интуицию. Москва стала уникальным городом-экстрасенсом и готова помогать людям, учить их тайным знаниям и делиться ими.

Недаром именно в Москве решил устроить свой великий весенний бал легендарный булгаковский Воланд. Он хотел постичь тайны Москвы! И даже когда Азazelло заговорил о древнем Риме, князь Тьмы с ним явно не согласился. Москва была милее Воланду, ибо он-то понимал, что Рим – древний город, уже открывший миру все свои тайны, а вот наша Первопрестольная, она же Третий Рим, соткана из таких мистических тайн и загадок, о которых никто даже еще и не подозревает в мире. О, загадки Первопрестольной куда острее и глубже, чем видятся на непосвященный взгляд. И это не простая бытовая мистика, не какая-то мелкая чертовщина, набитая колдовскими штучками, – нет!

Это великая магия города. В теории ей все равно, с каким знаком выступать – с положительным или отрицательным. Однако на практике нашей жизни мы, горожане, должны научиться управлять хотя бы частью этой тайной Силы – узнать о ней побольше и поворачивать к себе положительной, а не отрицательной стороной. Для этого и написана эта книга.

Читайте, узнавайте, не бойтесь! Как известно, в знании – сила. Предлагаю вам совершить самое мистическое путешествие по знакомым, но на самом-то деле таким загадочным и неизвестным улицам и площадям Москвы. Некоторые горожане уже совершили подобное путешествие – теперь и вы попробуйте. Не пожалеете – это будут невероятные, захватывающие и к тому же чрезвычайно полезные пути!

МИСТИЧЕСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

– Да! Чуть не забыл, мессир передавал вам привет, а также велел вам сказать, что приглашает вас сделать с ним небольшую прогулку...
М. Булгаков.

Мастер и Маргарита

– Чтобы желание исполнилось, – зашебетала девчонка в красной курточке, – его надо кликнуть!

Мы шли вверх по Тверской – самый центр Москвы. Девчонки впереди разговаривали о чем-то своем, о девичьем. Я шла чуть сзади, невольно слыша их разговор. Они ни на кого и внимания не обращали – у них была важная беседа.

Вторая девчонка, поменьше и потоньше, чем подружка, никак не могла понять:

– Как это – кликнуть? Позвать, что ли?

– Нет! А может, и да... – Девчонка в красном запнулась. – Ну вот, когда ты в Инете ищешь что-то необходимое, найти – это твое желание. Понимаешь, ты желаешь найти! Тебе Яндекс много чего предложит, и ты выбираешь и мышкой кликаешь.

– А-а, в этом плане...

– Ну да! Главное – на верную ссылку кликнуть. Тогда перед тобой то, что ты искала. Если ты ссылку выбрала верную. То есть верное место. Так и с желанием – надо знать места, где оно исполняется. Как по Яндекс-поиску – ходила, ходила и нашла. Кликнула и вошла в верное место.

– Куда вошла? Где?

– Да в городе! – Девчонка даже голос повысила от тупости подружки. – Мы же живем не в Инете, а в реальном городе. Тут всего еще больше, чем в виртуалке. Это же старый город. В нем сил немерено накопилось за тысячу лет. За такое время, прикинь, сколько он создал разных мистических мест! Смотрела на ТВ-3 «Городские легенды»? Там такое рассказывают!

– Думаешь, правда?

– Ясно, не все! Большая часть – треп. Но есть пара мыслей. Например, про места силы, дома с тайнами, булгаковскую нехорошую квартиру.

– Это где Маргарита?

– Где Воланд.

– Так ведь это роман – не реал!

– Там многое на самом деле было. Булгаков просто записал. Мне про Воланда, например, дед рассказывал. Он много чего читал. Знаешь, он говорит, что самое сильное желание может исполниться только после мистического путешествия.

– Как это?!

Девчонки аж приостановили шаг – видно, очень интересный разговор возник. Мне тоже пришлось затормозить – очень уж хотелось послушать.

– Мистическое путешествие – это когда путешествуешь по мистическим местам.

– Так места-то знать надо... А как их узнать?

– Ну, во-первых, это те места, где произошло что-то таинственное, даже трагическое. Сила от крови, от всяких ужасов берется.

– Значит, там, где старинные дома. В них много чего случилось.

– Во-вторых, где большие толпы ходят. Каждый часть энергии оставляет, вот и собирается много.

– Это в центре... Там магазины, театры, бульвары...

– Вот! Это места универсальные, для всех. Но есть еще и личные для каждого.

– А их как узнать?

– Они сами проявятся. Надо просто походить по городу. Как почувствуешь приток энергии – это твое место силы.

– И сколько ты так бродить будешь? Времени же нет...

– Можно и за день успеть. Это как повезет. Есть такие тетехи – всю жизнь по Москве ходят, а так и не научатся силой города пользоваться. А кто умнее – за день свое место силы найдет.

– Ну да! – недоверчиво фыркнула подружка. – Тебе бы, Танька, сказки писать. Эти, как их, «Спокойной ночи, малыши!».

Татьяна повела плечиком в своей красной курточке и выпалила:

– Не веришь?! А все – правда. И про Москву, и про разную мистику.

– Ага! – Подружка захихикала. – Тебя послушать, так самое мистическое место в Москве – метро и маршрутки. Там больше всего народу толчется.

– Ну знаешь! – вспыхнула красная курточка.

– Ничего не знаю!

Девчонки остановились. Да так резко, что я чуть не налетела на них.

– А вот вы бы и поинтересовались! – неожиданно для себя выпалила я. – Узнали бы побольше! А тебе, – я повернулась к красной курточке, – непременно надо узнать. У тебя мистический склад ума. Может, ты экстрасенс?

Девчонки посмотрели на меня обалдело и почему-то, схватившись за руки, понеслись вперед. Кажется, мое вступление в их беседу напугало их. Действительно, идешь спокойно, болтаешь с подругой, вдруг подбегает кто-то и говорит, что ты – экстрасенс. Невольно мурашки побегут по коже. Вот вам и начало мистического путешествия по городу.

Да так оно и бывает. Случайный встречный, неожиданные слова. И будьте внимательны – знак судьбы...

Уж я-то знаю. Я всю жизнь живу в этом городе. Поездила и по другим городам с мистической историей и убедилась: Москва – сильнейшая. Так что недаром ее облюбовал профессор черной магии господин Воланд. Судя по всему, частенько он в ней бывал под разными именами, обличьями, с разными царями и простыми горожанами под ручку ходил, дружеские советы нашептывал. А как иначе объяснить, например, что Иван Грозный днями пытки с оргиями творил, а ночами-то каялся, молитвы до одури читал, лбом о землю бил да на холодном полу в одной рубашонке лежал? Понимал, значит, Ивашка, что дьявол его смущает, что он, по сути, с Воландом в сговоре, вот и пытался замолить грехи. Однако не выходило...

Отчего так? Да оттого, что права была красная курточка: наш город имеет собственную силу. И она вполне может справиться с любым злом. Пусть не сразу, не в одночасье, но справится. Больше того, переварит зло, отфильтрует, перетрет и обернет его на службу добра. Вот такой у нас город.

И про мистическое путешествие девчонка верно объяснила. Конечно, коряво. Но как сумела. Не часто, но происходят у нас в городе такие путешествия, при которых человек находит свое место силы, получает знаки судьбы и, если сможет их разгадать, обретает что захочет. Это я точно знаю. Недаром же, идя за девчонками, я оказалась рядом с телеграфом. А это особая история...

Встреча у телеграфа, или Двенадцатый рубль Улица Тверская, № 7

*Никогда не разговаривайте с незнакомцами.
М. Булгаков.*

Мастер и Маргарита

А что делать, если незнакомцы заговаривают с вами?..

Тот год и его октябрь выдались не из удачных. Я училась в ГИТИСе (теперь это РАТИ). Курс был дружным и талантливый. Но как-то быстро выяснилось, что, когда нас спрашивали: «Кем вы будете?», а мы отвечали: «Театроведами», народ не мог понять, отчего же мы учимся в театральном, а не в экономическом. Дело в том, что театроведа путали с товароведом. И, между прочим, очень быстро стало ясно, что товаровед – царь и денежный бог, а театровед – существо маловостребованное и к тому же малообеспеченное.

Под давлением обстоятельств выпускники-театроведы бойко переквалифицировались хоть в торговцев, хоть в товароведов. Из выпускков, например, старше нас в театрах работали единицы. Ну а нам что делать, куда податься?

С такими думами я и шла вверх по Тверской (тогда она еще была улицей Горького) и дошла аккуратно до Центрального телеграфа. Вдруг с его полукруглой лестницы ко мне метнулся довольно тощий субъект с лихорадочно блестящими глазами и всклокоченной бородкой.

«Алкоголик? Торчок? – подумала я. – Напился или обкурился...»

Стало как-то страшновато и довольно холодно. Я поежилась, но решила: кругом же люди!

А тощий субъект между тем, подскочив ко мне... церемонно склонил голову и проговорил почти шепотом:

– Не откажите в любезности бедному страннику! Мечтаю вернуться в Тверь, но по пути лишился денег.

«Да он попрошайка, – подумала я. – Небось на выпивку не хватает».

Попрошайка неожиданно прочел мои мысли, наверное, они отражались у меня на лице.

– Никак нет-с, барышня, – не употребляю и не злоупотребляю! – произнес он. – Сочувствующие сограждане собрали мне на билет, но рублика не хватает. Соболаговолите-с – осчастливьте несчастного!

И субъект протянул мне руку... в порванной перчатке.

Мне бы отойти подальше. Но внезапно окружающее показалось мне декорацией, тощий субъект – актером из пьесы Островского. «Барышня», «соболаговолите», окончание на «с» – словно из XIX века! И потом – Тверь... Какая Тверь?! Город давным-давно переименовали в Калинин. И бороду теперь мало кто носит, и перчатки. Взгляд мой упал на расстегнутую куртку незнакомца. Она была будто со свалки. Но мой наметанный на театральные зрелища глаз разглядел под этим рваньем... белый (вернее, уже серый) жилет и черные брюки с прошвой, словно от фрачной пары.

Здание Центрального телеграфа на Тверской улице

Что-то во всем этом было не так. Какой-то маскарад, обман. Маскарад во времени и обман веков. Вот только лихорадочно блестящие глаза отражали не игру, а страдание. И этот странный холод, разливающийся вокруг бродяги во фраке...

– Соблаговолите-с рублик, – чуть не задыхаясь, прошептал он. – Я всенепременно вам возверну-с!

Моя рука сама полезла в кошелек, вытаскивая купюру.

– Двенадцатая! – радостно прошелестел незнакомец.

Я не поняла: то ли была двенадцатая из тех, кто дал ему денег, то ли он вел счет купюрам. Но в этот миг кто-то крикнул мне сзади:

– Девушка, не давайте ему рубля!

Я инстинктивно обернулась, а когда перевела глаза на незнакомца, того уже и след простыл.

– Зря дали!

Ко мне подошла старушка со старомодным ридикюлем. Ее волосики были спрятаны под старомодную, уже потерявшую вид шляпку. Таких давно никто не носил – только на старинных портретах и можно было увидеть. Да что сегодня на Центральном телеграфе – день переодеваний, маскарад какой?!

Но бабулька, кажется, была вполне адекватна.

– Не смотрите, что я так одета, – быстро проговорила она. – Я в театре имени Ермоловой, тут рядышком, в массовке играю. На мне костюм.

Действительно, я ощутила характерный запах грима. По крайней мере, хоть это было вполне реально.

– А тот тощий – тоже артист? – поинтересовалась я.

– Нет... – Старушка покачала головой. – Тут сложнее. Может, и не поверишь, но скажу. Я этого типа уж который раз вижу. Я за ним даже наблюдаю. Вот и сейчас ко мне в театр

племянница прибежала, говорит: «Иди скорее, твой странник опять появился!» Племянница на этом телеграфе работает. А у меня как раз перерыв между репетициями. Вот я в чем была, в том и ринулась.

– Но зачем за ним следить?

– Заинтриговал он меня, милая! Мои предки в Твери когда-то жили. Фотокарточки от них остались. А там подпись: Разъезжая улица, Оттоманский переулок. Слышала, я, как в прошлый раз этот тип говорил, что живет на Разъезжей.

– И что?

– Да нет давно никакой Разъезжей. Ее в Советскую переименовали. И Дворянского клуба, о котором он говорил, на Оттоманской нет. Как нет уже и самого Оттоманского. И его тоже переименовали. Да и Тверь теперь, сама знаешь, – Калинин.

– Ну мало ли...

– А во что он одет, ты видела? Остатки из фракной пары девятнадцатого века. А его разговор? Слова – тоже из прошлого времени! Но что самое поразительное, он собирает ровно двенадцать рублей. У всех просит по рублику. А как возьмет в руки последний – его и нет вмиг.

– Куда же он девается?

– Возвращается в свое время – в Тверь XIX века. Уверена, он путешественник во времени. А дюжина рублей – это какая-то мистическая заморочка.

– Но, судя по его виду, он не сильно радуется путешествиям...

– Значит, странствует не по собственной воле. Может, его, как лист, срывает с дерева и несет, куда, он и сам не знает. Может, он и в другие времена попадает – мы же его только здесь видим...

– Но почему он попадает сюда?!

– А ты не знаешь? При царе эта улица называлась Тверской. Дорога тут в Тверь шла. А про Тверь как говорили: «Тверь – Москвы дверь». Вот бедолага сюда и попадает – прямо через дверь ту самую.

– А почему на Центральный телеграф?

– Место тут особое – с огромной энергетикой. Ворота в Кремль. По старине эта улица Въездной называлась. Через нее цари-вельможи, посольства со всего света в Кремль въезжали. Часто прямо вот на этом месте ожидали государеву аудиенцию. Представляешь, сколько народу всех национальностей проезжало-проходило? Тут же триумфальные арки в честь разных побед устанавливали. Рядом с ними люди ликовали, праздновали. Делегации со всех волостей и губерний опять же тут проезжали. Вот место и научилось любого принимать. Со временем из «двери» в мощный «проход» выстроилось. Думаю... – старая актриса осеклась и понизила голос, как заправская заговорщица, – думаю, тут проход из одного времени в другое вполне мог образоваться. Потому-то умные люди и посоветовали именно здесь Центральный телеграф построить. Это же новое слово техники по тем временам было. Объединяющее народы и страны. А вышло объединение не только пространств, но и времени тоже. Представляешь, какая тут сила накоплена, что на переход из одного времени в другое ее хватает!

Старушка возвела очи к небесам. Я тоже. А когда опустила... старой актрисы, как и давешнего незнакомца, след простыл.

Я вдруг почувствовала, что совсем продрогла, хоть и одета тепло.

Да что же это получается?! Сначала один путешественник во времени просит двенадцатый рубль, потом какая-то актриса зубы заговаривает... А может, она тоже не актриса, а путешественница во времени? Только зачем меня-то посвящать во все эти подробности?! Будто мне мало своих загадок и дел!

Впрочем, нет – ничего этого не может быть! И здание телеграфа совсем не такое уж и старинное – его построили в 1927 году. Этот стиль называется конструктивизм. Впрочем, смотрится здание весьма уместно, из общего старого стиля улицы не выбивается. Напротив, оно весьма впечатляюще, монументально, надежно. Недаром именно отсюда 22 июня 1941 года было передано сообщение о начале войны с фашистами. Впрочем, почему недаром? Потому что здесь место силы, которую можно черпать не только из настоящего, но и из прошлого? А может, даже из будущего?..

И что только не придет в голову?! Мистика какая-то... Впрочем, заикливаться мне на ней некогда. Я вздохнула поглубже и побежала к Тверскому бульвару и арбатским переулкам – в свой театральный институт.

Но видно, день выдался нестандартный. Впрочем, то, что занятия в ГИТИСе затянулись дотемна, – дело обычное. Это же театральный институт, когда ж ему работать, ежели не вечером? Так что возвращалась я часов в девять. Как ни странно, для октября было не холодно, безветренно и как-то умиротворенно. Мне нужно было зайти еще в театр Оперетты. Времени было навалом, спектакль кончался после десяти. Я решила пойти пешком через Тверской бульвар – прогуляться.

Можно подумать, я забыла о странной встрече у Центрального телеграфа – нет, отлично помнила! Но все же не поняла, что это только начало, первый знак, звоночек. У Гамлета порвалась связь времен, а у меня, напротив, связалась. Узел оказался тугим и все больше затягивался. Только вот я пока об этом не знала и спокойно вступила на дорожку бульвара, начинавшуюся со стороны Никитских ворот.

Свет в старинном окне Тверской бульвар, № 17

Да, следует отметить первую странность этого страшного майского вечера. Не только у будочки, но и во всей аллее не оказалось ни одного человека, никто не пришел под липы, никто не сел на скамейку, пуста была аллея.

М. Булгаков.

Мастер и Маргарита

Бульвар был освещен. Но свет горел как-то тускло, фонари рассыпались искрами в сухом воздухе и терялись где-то в вышине. Листья уже облетели, и остовы деревьев торчали неустроенно, некрасиво, коряво. На душе стало тревожно. И почему я не поехала на метро? На бульваре не было ни души. Вот странность! Ведь москвичи гуляют здесь в любое время суток и в любую погоду. Так повелось аж с конца XVII века, когда бульвар засадили деревьями и он сразу стал любимым и самым уютным местом Москвы. Его украсили беседками, фонтанчиками, резными мосточками, даже бюсты знаменитых людей поставили. Тут прогуливалась вся аристократическая Москва. А по бокам неспешно ездил кареты, из которых выглядывали юные красотки, прельщая кавалеров. Часто кареты создавали такое столпотворение, что и проехать невозможно.

Тверской бульвар в 1825 г.

Тверской бульвар

Потом, конечно, аристократизм бульвара ушел в прошлое. В середине XIX века здесь уже гуляли купцы с женами, чадами и домочадцами, потом разночинная молодежь. Беседки и фонтанчики пришли в упадок, мосточки развалились. Бюсты разбили хулиганы. Остались только лавочки, но теперь на них восседали не дамы в прелестных платьях и меховых накидках, а кучковались фабричные, мастеровые, горничные. Все дружно грызли семечки, заплевывая дорожки и газоны вокруг. Правда, в XX веке на бульваре возникло несколько театров и атмосфера снова стала культурной. В 1914 году в доме № 23 открылся легендарный Камерный театр великого режиссера Александра Таирова, где блистала последняя великая трагическая актриса России Алиса Георгиевна Коонен. Вся жизнь этого театра наполнена легендами и преданиями, оглушительной славой и поклонением. Но и закончилась она ужасно. А как еще могла закончиться жизнь истинных гениев?! Режиссера Таирова советская власть третировала всю жизнь. В конце концов у него отняли театр, а самого Таирова спровадили в сумасшедший дом, после чего он и умер. Его жена, великая Алиса Коонен, прожила еще четверть века в полном забвении. Трагическая актриса, у которой отняли весь смысл жизни, была задвинута в крошечную квартирку как ненужная вещь. Ужас...

А в 1935 году на Тверском в доме № 13 открылся не менее легендарный Еврейский театр, которым руководил опять же не менее великий режиссер и актер, трагик Соломон Михоэлс. Его король Лир навсегда признан в театральном мире лучшим воплощением этого шекспировского образа. Во время Великой Отечественной войны Михоэлс организовал всемирный Еврейский антифашистский комитет, собирал средства для борьбы с фашизмом в Европе и США. Собрал миллионы пожертвованных долларов. И чем его отблагодарили? Хотя чем вообще могло кончиться театральное счастье, начатое в доме № 13?!

Здание МХАТа им. Горького

Наш великий вождь народов однажды, вытряхнув своей иссохшей рукой табак из знаменитой трубки, решил, что и бедного Михоэлса пора вытряхнуть из жизни – слишком уж велики стали его влияние и известность в стране и мире. Словом, в 1948 году Соломон Михоэлс разбился на машине где-то под Минском. Похороны в Москве были наипышнейшими. Только народ все равно шептался: великого актера убрали по приказу сверху.

В 1973 году по правой стороне бульвара (дом № 22) выстроили новое здание для МХАТа. Практически никто уже и не помнил, что место это тоже овеяно старинной романтической легендой, только не трагической, как другие дома, а любовной.

В начале XIX века здесь находилась усадьба помещика Кологривова. Его жена Прасковья Юрьевна закатывала те самые пышные балы, о которых Грибоедов написал в «Горе от ума»:

Балы дает, нельзя богаче,
От Рождества и до Поста,
И летом праздники на даче.

Великий драматург даже вывел Кологривову (между прочим, родственницу) в лице пресловутой Татьяны Юрьевны.

Правда, потом Кологривовы поиздержались и стали сдавать свою усадьбу внаем. Часто ее снимал для платных балов лучший танцмейстер Москвы – учитель танцев Петр Йогель, чтобы показать своих воспитанниц. На одном из таких детских балов 23 апреля 1827 года поэт Пушкин и встретил юную Натали, свою будущую супругу Наталью Николаевну Гончарову. Помните в «Онегине»:

Там будет бал, там детский праздник.
Куда помчится наш проказник?

Так что усадьба Кологривова – место романтической и страстной любви с первого взгляда.

Конечно, теперь от старинного дома не осталось и кирпичика. Но ведь само место никуда не делось. Подумать бы об этом тем, кто проектировал и возводил новое здание МХАТа. Может быть, они не соорудили бы такого жуткого монстра с серо-коричневыми, будто уже давно проржавевшими, покореженными балками, вывернутыми наружу? Народ быстро окрестил сооружение «зданием после взрыва».

И тут стоит сказать то, о чем я еще не могла знать во время своего давнего путешествия. Тогда никто и предположить не мог, что в горячих 90-х годах в труппе образцового театра страны произойдет истинный взрыв – раскол, при котором актеры и режиссеры разойдутся на два враждующих театральных лагеря. Один станет театром имени Чехова, другой – имени Горького.

Нет, не везло театрам на Тверском бульваре! Трагедия следовала за трагедией. Даже когда в советскую эпоху знаменитый дом Герцена на Тверском переоборудовали в Литературный институт имени Горького, и тут случилась накладка – именно его ресторан выставил в жутком и нелицеприятном виде Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите». Как там выходило с пожаром? Гори все огнем?..

Дом Герцена

Одним словом, несчастливое место для искусства. Хотя и любимое для прогулок. Вот только сейчас, октябрьским вечером, на этом бульваре почему-то никого...

Опять вдруг повеяло жутким холодом. Или у меня нервы расшалились... Фонари неожиданно потускнели, словно напряжение на линии упало. Остовы деревьев впились в черное небо. Ох, надо перейти на мостовую, поближе к домам. Там хоть какой свет от окон.

Я покрутила головой – вон, слева, там, где нечетные дома, в окнах вспыхнул яркий свет. Со стороны бульвара как раз обнаружился сход, и я рванула на мостовую. Окно старинного, надстроенного явно позже дома (кажется, № 17) распахнулось. Послышались веселые голоса, русские и французские, то ли спор, то ли смех. Потом заиграло фортепьяно. И чей-то обворожительный голос произнес:

– Прекратите спорить, господа! Извольте перестать и слушать музыку. Иначе я отбуду!

Я застыла под окном. Опять старый штиль? «Господа», «извольте», «отбуду» – да что же это такое?! Или это какие-то французские гости Москвы, говорящие так, как говаривали их предки, эмигрировавшие из Страны Советов после революции? Скорее всего.

И тут открылась дверь дома. (Откуда взялась, непонятно. Я же рядом стою, но ее не заметила. Или в темноте не видно?) На улицу выскочила маленькая, полненькая, кругленькая фигурка, одетая во что-то темненькое, обволакивающее.

– Ах! – проговорила фигурка. – Кто тут? Откуда? Кто впустил?

Я оторопела. Что значит откуда? Иду по улице. Как это: кто впустил? Любой может ходить по Москве.

– И почему так одета? – наседала незнакомка. – Неприличие полное – где юбка?! – И дамочка ткнула зонтиком в мою мини-юбку.

Понятно. Дамочка из тех, кто до сих пор не приемлет юбки такого размера. Терпеть не могу ханжей! И я ответила резко:

– Пора привыкнуть! Так ходят давно!

– Давно? – Дамочка призадумалась. – Ах, опять не туда вышла! Вечно забываю, что следует делать. Так какой ныне год, девонька?

Девонька (надо понимать, это я) то ли раскрыла рот в изумлении, то ли застучала зубами от испуга. Подсознание подсовывало дикую версию: старинная речь, дверь, которой не было, странное поведение дамочки, идиотское замечание «не туда вышла» – что это?! Неужели опять портал с путешественницей во времени? Ведь говорила же моя утренняя знакомая актриса, что порталы проходят по местам силы, а уж Тверской бульвар ее набрал и от истории и от трагедий в немереных количествах. Но разум отказывался во все это верить. Должно быть, какое-то реально-разумное объяснение!

– Что застыла как столб! – наседала дамочка. – Говори немедленно – какой ноне год? – И дамочка скинула капюшон своей хламидки, чтобы лучше видеть меня.

Я прислонилась к стене дома. Опять старушка! Голос молодой и даже завораживающий, хоть и повелительный. Но лицо в жутких морщинах... Ей же лет сто! Да что сегодня в Москве – день престарелых, что ли?!

Мой разум бился с интуицией, пытаюсь объяснить то, что происходит. В этой битве я и сама потеряла способность думать, вспоминать. Какой день, какой год?.. И я прошептала:

– Ноне... ныне... Да скоро уже двадцатый век кончится! И что она на это скажет?

Старуха не смутилась нисколечко. Только поинтересовалась, снова ткнув в меня зонтиком, словно в увлекательную картинку:

– И теперь так носят? А что – для молоденьких может быть забавно. А знаешь, девонька, однажды я тоже явилась свету, как ты, бесстыдница. Я выиграла пари у мон ами Алексиса. Ну ты ведь знаешь Алексиса?

Я помотала головой.

– Алексис, граф Аракчеев, фаворит императора Александра Первого. Ты должна его знать! Про него еще наш поэтический шалопай Саша Пушкин написал:

И Совета он учитель,
А царю он – друг и брат.

Аракчеев?! Это же точно XIX век. И у четверостишия Пушкина было начало:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель.

Да что же это такое?! Может, я сплю или вообще умом тронулась? Передо мной же точно привидение – и, между прочим, не первый раз за день...

Я попыталась перекреститься. Рука описала охранительный крест, но древняя подруга Аракчеева и глазом не моргнула, тархтя без умолку:

– Вспомнила? Так вот я выиграла у монамишки Алексиса пари, и он должен был исполнить любое мое желание. И я пожелала, чтобы он меня из теплой постельки в одной батистовой рубашечке вынес на руках прямо в свою государственную приемную. И он вынес! Правда, это было не здесь, а в Петербурге. А там, представляешь, – просители смиренно ожидают аудиенцию, а тут мы – он в мундире, а я в прозрачном батисте. О, мы жили весело!

Император Александр Алексису тогда на вид поставил, а обо мне только и сказал: «Бесстыдница!» А в газетах написали: «Граф Аракчеев абонировал тело прелестной Варвары Петровны». Варвара Петровна – это я! – Столетняя любовница кокетливо склонила головку. – По первому мужу – Пуколова, а по второму – Крекшина. Вот мы и представлены. – И она затараторила вновь: – Этот дом я купила уже после смерти и незабвенного Алексиса, и милейшего Крекшина. Кажется, году эдак в 1852-м или в 1864-м, сейчас уже и не упомню. На месте старого велела построить новый дом. Но сама тут не живу. Мне больше по вкусу домик на Поварской. Ты знаешь Поварскую улицу?

– Да... – Я потихоньку стала приходить в себя. – Но сейчас она называется улицей Воровского.

Старая дамочка фыркнула:

– Нельзя иметь такое странное название! Как можно быть улицей воров?! Вот увидишь, скоро опять переименуют! Там же искони жили царские повара. Моя усадьба такая премиленная, кругом арочки светленькие. Дом на каменном фундаменте под номером девять. Не была там?

– Нет...

– Конечно, в твоё время туда так просто не попасть. Там посольство Кипра.

– А откуда вы знаете?

– Я же там живу. И иногда, когда путаюсь, попадаю в твоё время. Так что знаю.

И тут мое любопытство взяло верх.

– Как же вы путаетесь?

– По собственной невнимательности. Когда выходишь из дома в своё время, надо оставить какую-то вещь, с которой пришла. Я вот специально захватила с собой зонтик. Но года, голова дырявая... Собралась выходить и схватила его с собой.

– Но как вам удается ходить по времени?

– А я и сама не знаю! – Лукавые, хоть уже и выцветшие глаза старушки вспыхнули. – Видно, так Бог сулил. Вроде и жила-грешила, любовников привечала, богатство расточала, мужей схоронила, а вот чем-то приглянулась Господу. А может, этому городу. Стала вечной москвичкой. Впрочем, я думаю, что это от пророчества французской гадалки Ленорман. Но

с другой стороны, не все вечные москвичи у нее побывали, а ведь тоже живут. Конечно, не все так беспечны, как я. С незнакомыми людьми не разговаривают. Обычно выдают себя то за артистов в костюмах, то за тех, кто бродит по вечерам-маскарадам. Ну а я вот такая беспечная. А может, как говаривал император Александр, бесстыдная.

Все рассказываю, не таясь. А чего таиться, я уже умерла давно! Хуже не будет. Вот этот дом, например, я построила как точную копию моего парижского особняка. Даже отделку приказала сделать точь-в-точь. Хочешь взглянуть?

Я шарахнулась от нее:

– Нет уж!

– Отчего же, девонька? Пойдем!

Старуха схватила меня за рукав.

Сердце у меня забилося так, словно хотело пробить грудную клетку. Стало совсем нечем дышать, воздух вокруг застывал, как на морозе.

– Не бойся, идем со мной!

Старуха потащила меня к двери в стене. Толстые пальцы, заострившиеся от старости, больно вцепились в руку. Я попыталась вырваться – не получалось! Но вдруг...

– Оставь ее, Варвара Петровна! – прогудел чей-то голос.

Старуха обернулась:

– Ты, что ли, Михалыч?

– Я. Оставь барышню. Она мне двенадцатый рубль дала. Сама знаешь, сейчас народ жадный, копейки не выпросишь. За двенадцатым рублем пришлось два дня к телеграфу захаживать. Да-с! Уж обратно отчаялся домой-то попасть. Тебе хорошо, шепнула заветное слово – и опять в свое время. А мне дюжину рублей собирать приходится. Стою, аки голытьба на паперти... Конечно, у каждого свои приемы, но я барышне благодарен. Так что, сделай милость, не тронь ее!

Старуха вздохнула:

– Жаль... Редко ведь нового человечка в доме примешь. Старые-то надоели.

– Ничего, еще найдешь новенького, – прогудел Михалыч. – Ты же можешь выходить, когда сама захочешь. А у меня таких привилегий нету-с. Я не по своей воле в разных временах да местах оказываюсь. Меня сила затягивает.

Любопытство во мне снова пересилило страх.

– Но как это получается?

– Ничего сказать не могу-с, барышня. Сам не ведаю. Вот сей миг сидел я в лучшем тверском ресторане. Да-с! Только заказал раков. Но потянуло... И вот я тут.

– Не везет тебе, Иван Михалыч! – усмехнулась Крекшина. – От эдакого удовольствия оторвали.

У меня мороз по коже пошел: а если б этого тверского бродягу не выдернули некие потаенные силы, кто бы мне помог?! Бессмертная, как Кощей, старушенция точно затянула бы меня в свое время!

Но бродяга ничего этого, конечно, не понимал и злился:

– Опять мне рубли собирать! Надоело хуже горькой редьки. Пойду на телеграф. Холодно, а там у меня девица знакомая. Куртку теплую даст. Я ей все рассказал, она мне поверила и входит в мое грустное положение. Да-с! А впрочем, – бродяга хитро поглядел на меня, – вы, барышня, мне двенадцатый рубль дали, теперь окажите милость, дайте первый. Я ведь вам вроде как помог. Вы же не хотели идти с Варварой Петровной?

Крекшина хихикнула:

– Не хотела! Да обычно мало кто хочет. Но приходится. Очень уж я новеньких гостей обожаю.

«Так вот куда деваются люди, уходящие по делам и не возвращающиеся домой! – ахнула про себя я. – Небось такая вечно живая Крекшина не одна в городе!»

А старушка между тем вздохнула грустненько и процедила недовольно:

– Ну ладно, прощай, девонька. Отдай Иван Михалычу его рубль!

И, открыв дверь своего дома, неугомонная старушенция шагнула обратно.

Я полезла в кошелек.

– Давайте скорее! – торопил Михалыч. – Холодно сильно!

И, выхватив у меня бумажку, ринулся в темноту – понесся к телеграфу, где знакомая из XX века держит для него куртку.

Я обернулась на дверь, куда ускользнула Крекшина. Но стена была гладкой. Видно, из моего времени двери в прошлое не предусматривалось.

Пулей и я метнулась по Тверскому. Пусть бульвар и место силы. Только для меня она оказалась чересчур мистической. Аж жуть берет! Получается, если б утром я не дала странному встречному рубль, вечером старуха Крекшина затащила бы меня в свое время. И что бы я там стала делать?! Это же было еще время крепостных...

Вылетев на улицу Горького (когда еще она снова станет Тверской!), я посмотрела на часы. Мама дорогая! Мне казалось, я проговорила со старухой Варварой полчаса, а вышло больше двух часов. Сейчас было без четверти двенадцать. На встречу в театре Оперетты я давно опоздала, не опоздать бы на последний поезд метро!

Некто в ночном переулке Брюсов переулок

В час луны и в час заката...

Мирра Лохвицкая.

Забывтое заклятье

Домой я добралась без приключений. Однако после горячего чая заснуть не удалось. Я кинулась к книжным полкам. Старуха Варвара упоминала Пушкина – и я стала разыскивать ее по книгам, посвященным поэту. Выяснилось невероятное!

Варвара Петровна Пуколова-Крекшина действительно жила в Москве и прославилась как невероятная чудачка и богачка. Видно, в молодости была она действительно прелестна – и муж Крекшин (между прочим, обер-прокурор Синода), и любовник Аракчеев души в ней не чаяли. Она пережила их всех и умерла то ли на восемьдесят четвертом году жизни, то ли еще позже. Точной даты неизвестно – может, в 70-х, а может, и 80-х годах XIX века.

Еще молодой дамой посетила Варвара Париж. И там началась невероятная история.

«Однажды к знаменитой парижской гадалке мадемуазель Ленорман явилась богатая москвичка В.П. Пуколова-Крекшина, – прочла я. – Денег у москвички, прибывшей в Париж, как говаривали тогда, развестись, было несчитано, и потому она скучала, не зная, чем заняться в жизни.

Ленорман взглянула на ладонь богачки и посоветовала «найти себе дело». Гадалка ведь была превосходным психологом. Но Крекшина только фыркнула: «Чем же прикажете мне заниматься? Я не для того воспитана и ничего не умею!» – «Но есть же у вас склонность к чему-то!» – проговорила Ленорман. «Только любопытство! – захихикала москвичка. – От любопытства и к вам пришла. Скажите же, какова будет моя жизнь и какой окажется смерть?»

Ленорман не любила пустых разговоров, ведь ее ждали люди с реальными несчастьями. Может, потому она ответила: «Вы умрете ночью в постели!» Был ли это формальный ответ, чтобы отвязаться, или Ленорман действительно предрекла судьбу? Но результат оказался таков: Крекшина вернулась в Москву и перестала спать ночами. Спала днем, а с наступлением темноты устраивала приемы в своих московских домах, играла в преферанс, который обожала чуть не с детства.

На удивление и осуждение окружающих Крекшина не обращала никакого внимания. Она вообще была нрава веселого, задорного и даже хулиганского».

В другой книге я прочла: «Варвара Петровна обожала гостей. Ее дом на Поварской, а позже и на Тверском бульваре был открытым. Но только по ночам. Всю ночь она играла в преферанс с друзьями и прихлебателями. Один из них – Бочечкаров – обязан был в зимнее время исполнять роль грелки для постели Крекшиной и спал на ней поверх одеяла, пока не наступало утро, и барыня не сгоняла его с постели, чтобы лечь спать».

Ничего себе барынька! Озорна, азартна, независима. На общественное мнение вообще привыкла плевать. Да еще и ночная жительница! Интересно, а тот тверской путешественник тоже разгуливал по своей Твери ночами? Ночь – проводник потаенного времени. Не видно, куда идешь. Не потому ли можно выйти совсем неожиданно в иное время?..

Обо всем этом я начала на другой день рассказывать подруге с курса. Мы возвращались из ГИТИСа опять в наступающей темноте, но на этот раз вдвоем. Впрочем, пойти по Тверскому бульвару я не отважилась. И мы шли по улице Неждановой. Отвлечшись от старухи Крекшиной, я рассказала подруге, что первый дом по нечетной стороне еще в самом начале XX века выстроил один из моих дальних предков – купец Михаил Иванович Коровин. У него

было понастроено в Первопрестольной множество домов – одни он сдавал внаем, другие под магазины, рестораны, учреждения. Он был другом Чехова, а художнику Константину Коровину приходился двоюродным братом. Впрочем, особо полагаться на покойного родственничка не следовало бы, ведь и на Тверском бульваре он имел пару домов. А там меня напугала старуха Крекшина!

От волнения размахивая руками, я рассказала подруге о вчерашних встречах с жителем Твери и старухой, потом о том, что прочла про Крекшину. Мы обе так увлеклись, что не заметили, как из темноты сзади появился какой-то человек, догнал нас и вдруг сказал, обращаясь ко мне:

– Вот этим вам и надо заниматься! Только этим!

– Чем? – ахнула я.

Ответить незнакомец не успел. Подруга, видно испугавшись, подхватила меня под руку и поволокла за собой. Бегом мы пролетели улочку. При свете огромных фонарей улицы Горького остановились тяжело дыша. Я подумала: «Если немного постоим, человек нас нагонит. Тогда я и услышу ответ: чем же мне надо заниматься!»

Но хоть мы и стояли довольно долго, никто к нам не вышел.

Уже потом, дома, отец рассказал мне, что улица Неждановой раньше называлась Брюсовым переулком (между прочим, сейчас его название вернулось). Еще с петровских времен там раскинулась большая усадьба во главе с огромным каменным домом семейства Брюсов. Построил его тот самый легендарный Яков Виллимович Брюс, колдун-алхимик, а на самом деле образованнейший ученый времен Петра I. Однако жить там не стал, поскольку обожал свой небольшой дом на Сухаревке с легендарной башней, в подвалах которой организовал лабораторию, а на крыше – обсерваторию. Ну а усадьбу Брюс передал своему племяннику, тот завещал потом ее своим детям. Словом, Брюсы владели ею почти сотню лет. Неудивительно, что за этим местом осталось название «Брюсово». В конце XVIII века усадьбу снесли, построили новые дома, но название «Брюсов переулок» осталось, пока в XX веке его не переименовали в честь Анастасии Неждановой. Эта великая русская певица жила в доме № 7, называемом «домом ГАБТа», ведь там жили артисты Большого театра. Рядом, в доме № 17, жили корифеи прославленного МХАТа, в том числе Москвин и Качалов. Представляете, сколько разных артистических тайн, сценических загадок и сплетен-скандалов осело в стенах этих артистических домов!

А в 12-м доме жил Всеволод Эмильевич Мейерхольд со своей женой, актрисой Зинаидой Райх. Теперь там их музей, хотя в трагической судьбе великого режиссера так и осталось множество белых пятен. Известно, что его объявили врагом народа и расстреляли 2 февраля 1940 года. Но где? Как? Даже могилы своей у него нет. Великий режиссер, создатель всемирно известной системы актерского искусства, похоронен в общей могиле на Донском кладбище.

И тут кругом тайны. Московское колдовство... Одно слово – Брюсов переулок. И никакое переименование не спасет – переулок тайн, трагедий и мистики.

И кто из мистических прохожих дал мне напутствие? Из всех я бы выбрала все-таки Якова Брюса. Пусть и колдун-алхимик, но все же не связанный с разгулом сталинского времени. А может, это мой дальний предок-купец шагал за нами и замолвил свое слово?

Правда, в чем суть того напутствия, я поняла много позже, когда вместо театра увлеклась загадочными историческими событиями, необъяснимыми явлениями и магией чисел – то есть мистическим отсветом, проходящим по всей цивилизации человечества. Странно, да? Я шла по театральной улице, а вышла на свет таинственных событий. Так началось мистическое путешествие в книгах и статьях – сквозь века и страны. А отсчет пошел от Москвы...

ПОЛУНОЧНЫЕ БЛУЖДЕНИЯ ПО УЛИЦАМ МОСКВЫ

Ну а теперь придется оправдываться. Не одна я такая идиотка, шастающая по ночам и встречающая бог весть кого. Между прочим, и до меня москвичи и гости столицы эдаким занимались и кое-кого встречали. Но знаете, что поразительно? Встречи эти с потусторонними жителями, а вернее, с москвичами, оставшимися в городе навсегда (ну, не хочется говорить с москвичами, ставшими призраками!), начавшись обычно с отрицательных эмоций (недоумение, страх, а то и внутренняя паника), оборачивались вполне положительной стороной. Творческие люди начинали творить с усиленной энергией, а обычные пересматривали свои жизненные взгляды в лучшую сторону. Вот уж точно, призраки-привидения – посланники мира тьмы, а зачастую приносят благо в мир света.

Ну а сколько великих произведений возникло от легенд и преданий нашей Москвы, от встречи с ее призрачными жителями, и сказать трудно. Но некоторые стоит вспомнить. Тем более что, вспоминая, мы можем и сами пройти небольшим, но весьма емким с эзотерической точки зрения маршрутом – от Красной площади через площадку перед Историческим музеем и станцией метро «Площадь Революции» к Театральной площади, а от нее по Кузнецкому Мосту к улице Мясницкой. Простой маршрут в центре, абсолютно знакомый. Но вот некоторые люди увидели его совершенно *особенным*.

Почитайте, а потом попробуйте, вдруг и вам удастся попасть в Москву мистическую?..

«Куда ни пойду, все к кремлевским стенам выйду» Красная площадь

*Мелькающих стрел звон
И вещей ворон крик...
Я вижу дурной сон,
За мигом летит миг.*

Осип Мандельштам.

Сборник «Камни»

«Начинается земля, как известно, от Кремля». Думаете, это советская выдумка или современный слоган? Ничуть не бывало. О древнейшей мистике Красной площади и Кремля разговор еще впереди. А вот о невероятной истории, что произошла с великим нашим живописцем Василием Ивановичем Суриковым, вспомнить стоит сейчас. Ему тоже в Москве много чего тайного увиделось...

Известно, что Суриков – сибиряк, потомок свободолюбивых казаков из города Красноярска. Интерес к истории у него с детства. Недаром потом он скажет: «Ничего нет интереснее истории. Только читая про время историческое, понимаешь настоящее». И еще: «В Сибири, скажу я вам, народ другой, чем в России: вольный, смелый. Про нас говорят: красноярцы – сердцем яры». Не это ли ярое сердце, то есть сердце бога Ярилы – солнечное и бесстрашное, – помогло художнику воспринимать чужую давнюю историческую боль как свою – сегодняшнюю?

Переезд в Москву в 1877 году сыграл в творчестве Сурикова решающую роль. Он и раньше бывал в Первопрестольной и, видя древние улочки, думал о том, что вполне сможет изобразить старинную жизнь как современно-живую, динамичную и даже трагическую. Вспоминались рассказы о том, что в числе его предков имелись и стрельцы петровской поры. «Вот стрелец с черной бородой, – вспомнит он, – Степан Федорович Торгошин, брат моей матери. А бабы – это, знаете ли, и у меня в родне такие старушки были, сарафанницы, хоть и казачки. А старик – это ссыльный один лет семидесяти...» Словом, Суриков уже с самого начала своей творческой деятельности грезил об образах старины. Только для него эта старина была живой.

И вот Академия художеств, находящаяся в Петербурге, направляет своего выпускника почему-то не в заграничное турне, как обычно, а посылает в Москву для росписи строящегося храма Христа Спасителя. Ну не рука ли это судьбы? Неизвестно, чем увлекся бы Суриков в Италии или Германии, но в Москве случилось иное – почти нереальное...

По вечерам, после работы в храме, художника так и тянуло на старинные улицы Первопрестольной, на Красную площадь – к кремлевским стенам. Вот как описал все это сам живописец:

«Началось здесь, в Москве, со мною что-то страшное твориться. Куда ни пойду, а все к кремлевским стенам выйду. Эти стены сделались любимым местом моих прогулок именно в сумерки. Темнота начинала скрадывать все очертания, все принимало какой-то незнакомый вид, и со мною стали твориться странные вещи. То вдруг покажется, что это не кусты растут у стены, а стоят какие-то люди в старинном русском одеянии, или почудится, что вот-вот из-за башни выйдут женщины в парчовых душегрейках и с киками на головах. Да так ясно все, что даже остановишься и ждешь: а вдруг и в самом деле выйдут?

И вот однажды иду я по Красной площади, кругом ни души. Остановился недалеко от Лобного места, засмотрелся на очертания Василия Блаженного, и вдруг в воображении

вспыхнула сцена стрелецкой казни, да так ясно, что сердце забилося. Почувствовал, что если напишу то, что мне представилось, то выйдет потрясающая картина...»

Вот так Высшие силы показали художнику его будущую картину, названную потом «Утро стрелецкой казни». Видно, ее написание было предопределено судьбой. Но работа оказалась почти такой же жуткой, как и само событие. Суриков жаловался друзьям: «Как только начал писать стрельцов – ужаснейшие сны видел. Каждую ночь во сне казнь. Кругом – кровь и кровью пахнет. Боялся я ночей...»

Картина произвела на современников огромное впечатление. Художник Бенуа вспоминал, что к нему после просмотра трагического полотна стал являться ночами бесовский стрелец со свечой, отчего даже самым невероятным образом чуть не случился пожар в его реальной квартире. Виктор Васнецов жаловался, что слышит, как воют бабы в голос, прощаясь с отцами и мужьями, уходящими на Лобное место. Конечно, художники – народ, верящий в разную мистику, но есть свидетельство великого князя Сергея Александровича о том, как он, посетив Третьяковку, услышал то ли крики, то ли стоны, исходящие от суриковских картин.

Собиратель русской живописи Павел Михайлович Третьяков увидел огромный трагический холст еще в 1881 году в мастерской молодого Сурикова, красноярца или сибирского медведя, как его величали. Про этого невысокого, плотного, действительно похожего на неуклюжего молодого медведя художника, работавшего по двадцать часов в сутки, по Москве ходили легенды. Говорили, что он ничего не боится, потому что у себя в Красноярске водил дружбу с местным палачом. А ведь всем известно, что палачи – сильнейшие колдуны. На самом деле Суриков, конечно, не дружил, а просто видел однажды палача в детстве. Тот расхаживал по помосту в красной кумачовой рубахе, засучив рукава, и отпускал зловещие шутки толпе, окружавшей лобное место. Конечно, самой казни мальчишка Суриков не видел, родные увели его. Но ощущение ужасного человека, от которого дух захватывает, осталось.

Еще по Москве рассказывали о том, сколь придирчиво относился молодой художник к работе. Однажды продал он купцам две работы за огромную цену, а на другой день рванулся вдогонку за покупателями. Бросил им деньги, выхватил картины да и уничтожил. Не правдивы, вишь ты, вышли холсты! Купцы только ахали: хорошо – картины ножом вспорол, а не нас самих!

Третьяков сразу же почувствовал великий талант молодого живописца. Он начал приглашать сибирского нелюдима к себе домой. И в домашней обстановке сразу стало ясно, что сибиряк хоть и мог быть пугающе страшным с чужими, но со своими оказался невероятно нежен и доверчив.

Увидев же трагическое изображение стрелецкой казни, Третьяков тут же купил его за громадную сумму – восемь тысяч серебром. Тогда же от художника услышал и совершенно мистическую историю создания картины. Когда же полотно повесили на стене Третьяковской галереи, оно с первых же мгновений обросло таинственными историями. Немудрено, что старшая дочь Третьякова Верочка до того напугалась, взглянув на жестокий лик молодого царя Петра, лично руководившего стрелецкой казнью, что даже заболела нервной горячкой. И в лихорадке ей мерещился грозный царь Петр.

Но самое символичное, что трагическое «Утро стрелецкой казни» появилось на передвижной выставке в один из самых кровавых дней российской истории: 1 марта 1881 года в Санкт-Петербурге был убит террористами император Александр II. Зрители шептались меж собой: неужто пришло время расплаты за кровавые убийства прошлого? Мистика, верно?.. Или нет? Может, прав был Павел Третьяков, считавший, что Суриков нашел «тропу между нынешним днем и трагически-великим прошлым»? И еще прав Александр Бенуа, художник и историк живописи, отметивший, что Суриков – русский чародей, гениальный ясновидец, обладающий даром исторического прозрения.

Львы, единороги и кровь на мостовой Красная площадь, № 1/2, Исторический музей

*Не бойтесь, королева, кровь давно ушла
в землю...*

Михаил Булгаков.

Мастер и Маргарита

Граф Алексей Сергеевич Уваров, живший в середине XIX века, был красив, богат, знаменит, являлся другом двух императоров – Николая I и Александра II и был своим при русском императорском дворе, как и при любом дворе европейских монархов.

А.С. Уваров

Однако к карьере граф не стремился, даже до генерал-адъютанта не дослужился. Кажется, все вокруг переживали – кроме него самого. А сам граф Уваров рвался не к дворцовым почестям, а к «низкому» по тому времени и графскому положению занятию – граф бредил археологией. Все то, что его соотечественники в мусор да в печку выбрасывали, уничтожали и сжигали, как ненужный хлам, составляло предмет его мечтаний. Грязные, немывые черепки или давно вышедшие из употребления полустертые монеты, погнутые ржавые железяки или полуистлевшие деревяшки, найденные где-нибудь на дороге, на заброшенном поле или на месте, расчищенном для постройки новой усадьбы и улицы, – все это граф Уваров считал подлежащим собранию и сохранению. Он собирал древние манускрипты, старые иконы, облупившиеся картины.

В 1846 году Уваров становится одним из создателей Российского археолого-нумизматического общества (позже Русское археологическое общество), ведет за свой счет раскопки под Москвой, на Волге и в Крыму, пишет научные труды, учреждает поощрительные пре-

мии русским писателям и организывает Общество по сохранению древних памятников и построек. Увы, свет не разделяет его любви к «рухляди» и считает археологию недостойным занятием. Впрочем, семья надеется, что Алексей остепенится, ежели женится.

Невесту выбирают чистейших кровей – Прасковья Сергеевна Щербатова из рода настоящих Рюриковичей. Между прочим, это ее изображает Лев Толстой на страницах «Анны Карениной», даже фамилии не меняет, только имя – Китти Щербатова. В 1859 году Прасковья Сергеевна становится графиней Уваровой. И семья вздыхает с облегчением – уж эта строгая девица отучит муженька от дурацкой археологии.

Молодожены, как полагается, отправляются в Европу в свадебное путешествие. И сразу же выясняется, что Прасковья Сергеевна не станет отваживать мужа от археологии, потому что сама увлечена этой наукой. И другие увлечения у пары оказались схожими и, главное, любовь к древней матушке-Москве. Не потому ли, вернувшись из Европы, Уваровы отправились гулять по заснеженному городу. Соскучились!

Порошил легкий снежок. Фонарики зажигали фонари на центральных улицах. И в их мягком свете снежинки переливались всеми цветами радуги.

Молодожены, взявшись за руки, брели по расчищенным улочкам прямо к Кремлю. Они стояли в начале Красной площади, смотрели на храм Василия Блаженного и вдруг...

Глыба взвизывающегося вверх огромного дома заслонила весь вид. Да и не дом это вовсе – то ли замок, то ли дворец с двумя башнями по бокам, а наверху...

– Гляди-ка! – крикнул Алексей молодой жене. – На башнях львы и единороги, а на крыше снег. Словно крыша, поднимаясь, зачерпнула его с земли!

Но Прасковья не видела белого снега. Она смотрела вниз, к подножию невесть откуда взметнувшегося здания – там, на тротуаре, алела кровь. Пятно разливалось, растекалось, увеличивалось...

– Ах! – Прасковья в ужасе упала на руки мужа.

Прошло больше двадцати лет, и в 1883 году состоялось открытие главного детища графа и графини Уваровых – Императорского исторического музея.

П.С. Уварова

Исторический музей – один из главных музеев России. Он и сейчас, уже третий век, украшает главную площадь Москвы. И никто уже не помнит, что это они, Уваровы, предоставили музею первые выставочные экспонаты, добились от императора разрешения на создание музея, а от московских властей возможности строительства именно на том месте, что увидели однажды в зимний вечер. Прямо на Красной площади вознесся прекрасный дворец-замок, созданный по проекту архитектора В.О. Шервуда и инженера А.А. Семенова. На башнях его поселились золоченые львы и фантастические единороги, а на крыше навсегда лег белый российский снег.

Исторический музей

Вот только спустя полтора года после открытия музея граф Уваров умер. Но Прасковья Сергеевна продолжила дело мужа.

«Уничтожить равнодушие к отеческим древностям, научить дорожить родными памятниками, ценить всякий остаток старины, всякое здание, воздвигнутое нашими предками, сохранить и защитить их от всякого разрушения» – это было кредо Уваровых.

Даже когда началась революция, а с ней и голод, Прасковья Сергеевна не продала ни одной старинной вещи, что еще сохранялись в их доме в Леонтьевском переулке. Даже замерзая от холода, она не отправила на растопку ни одной книги. И когда революционный произвол вынудил ее бежать из Москвы в Майкоп, первое, что она сделала, уже старая и небогатая женщина, – было начало новых раскопок курганов и дольменов возле южного города.

И уже потом, уплывая на последнем пароходе из Новороссийска и глядя на тающий вдали родной берег, Прасковья Сергеевна Уварова вспомнила видение той далекой снежной, но счастливой Москвы – взметнувшийся ввысь фантастический дворец. Вот только граф Уваров увидел тогда диковинных львов и единорогов на башенках с ликующим белым снегом на крыше. А Прасковья Уварова, пережившая мужа, – лужи крови на мостовой. Все так и вышло.

Любитель девственных экземпляров и нашествие кошек Театральный проезд

*Урываем по одежке, расстаемся с табаком
И любуемся на полке каждым новым корешком...*

Саша Черный.

Книги

Однако не только известные москвичи встречались со странными явлениями на городских улицах. Обычные люди тоже попадали в такие переpleты. И вот уже много лет я собираю и записываю реальные случаи, произошедшие с моими друзьями. Словом, не одна я такая сподобившаяся.

Однажды мой приятель, назовем его Николаем (сейчас он уже заслуженный артист республики), спешил на спектакль. Девять месяцев в году в Москве темнеет рано, вот и теперь уже горели фонари. Вышел актер со станции метро «Площадь Революции» и неожиданно для себя решил взглянуть, что же продается на книжном развале. Вообще-то библиотека у Николая большая, но коллекционером, гоняющимся за антикварными изданиями, его никак не назовешь. Да и профессия Николая не предусматривает особо тщательного отношения к истории или антиквариату. У актера сегодня одна роль, а завтра другая, так что знания идут по верхам. Да и гонорары обычных актеров не позволяют покупать антиквариат.

Но на сей раз на одном из освещенных лотков виднелся «Ежегодник императорских театров» аж за 1899 год. И Николай не смог удержаться – взял не торгуясь. В кармане у него как раз лежал гонорар, выданный наличными, так что он смог позволить себе дорогую покупку.

Но когда продавец заворачивал книгу, Николай краем глаза заметил забавного мужичонку в чем-то черном и долгополом – не понять, что за одежда. Мужичонка, не отрываясь, глядел на заворачиваемый в целлофан «Ежегодник», словно это была не книга, пусть и старинная, но самый дорогой бриллиант мира.

Когда же, забрав покупку, Николай двинулся в сторону Малого театра, странный мужичок поспешил за ним. Николай прошел мимо гостиницы «Метрополь» – мужичок за ним, Николай спустился в подземный переход на другую сторону Театрального проезда – мужичок тоже.

Актер наш, стоит признаться, парень не робкого десятка, регулярно посещает всякие спортивные секции, поддерживая форму. Так что, поднявшись по лестнице перехода, он приостановился, и преследователь попал прямо в его медвежьи объятия.

– Ты чего за мной ходишь? – без предисловий спросил Николай.

– Дак не за вами, – ответил преследователь, – за «Ежегодником».

– Тоже купить хотел? – подобрел актер. – Ну не повезло, бывает. Другой купишь.

– Другой-то навряд... – вздохнул мужичонка. – Девственные экземпляры редко попадаются...

– Какие? – не понял Николай.

– Дак неразрезанные... К тому ж, мил-человек, не могу я купить – деньги у меня не те.

– Валюта, что ли? Разменяй. Пунктов обмена кругом достаточно, – посоветовал актер.

– Мои денежки не разменяешь... – снова вздохнул незнакомец. – Дай хоть подержать!

Уважь, любезный...

Мужичонка протянул руку, и Николай, неожиданно для себя, словно загипнотизированный, протянул мужичонке театральный ежегодник.

Трясущимися руками незнакомец взял книгу, прижал к груди, поглаживая и даже приговаривая что-то. Потом воззрился на Николая умоляюще:

– Подари, мил-человек!

– Ну нет! – Николай вырвал книгу.

И тут незнакомец всхлипнул и пустил слезу:

– Подари, пожалей Христа ради!

– Да что за комедия! – озлился Николай. – Иди куда шел. А от меня отстань!

И актер, повернувшись, пошел к дверям Малого театра.

– Пожалеешь еще, что не помог Феде Мазурину! – закричал вслед мужичонка.

Но Николаю уже было не до него.

Вот только вечером после спектакля произошла жутковатая история. Когда Николай проходил по малоосвещенному служебному коридору, послышалось какое-то жуткое шипение. Стена вдруг вспучилась, и прямо из нее на актера набросилось с полдюжины... кошек. Серые, черные, рыжие, белые – все они угрожающе шипели и прыгали на Николая, вмиг расцарапав до крови. Актер был, конечно, сильным парнем, но это кошачье нашествие напугало его до полусмерти. Еле отбившись, он сумел убежать и долго потом отсиживался в гримерке, заливая раны йодом и боясь выйти.

Только за полночь вернувшись домой, он рассказал о случившемся своей престарелой прабабушке.

– Представляешь, денек! Сначала на какого-то алкоголика с трясущимися руками нарвался. Тоже мне мазурик! Потом кошки прямо из стены выскочили. Дикость какая – кому скажи, не поверят! Еще и решат – крыша поехала!

Но прабабушка была иного мнения, посочувствовала, качая головой:

– Что-то мне это напоминает... Федя Мазурин – редкое сочетание. Книги любит до того, что аж руки трясутся. Кошки опять же... Что-то я такое слышала или читала...

Старушка покряхтела и вдруг, вскочив словно молоденькая, кинулась к книжным полкам:

– Точно – читала! Вот «Московские типы и чудачки»!

Она сунула правнуку старую книгу, и тот прочел заголовок: «Любитель книг и кошек Федор Мазурин».

Оказалось, действительно был такой всем известный в Москве книголюб и чудак Федор Федорович Мазурин. В средствах он не был стеснен и целыми днями бродил по книжным развалам на Никитской улице. А ведь Никитская-то через несколько метров от «Площади Революции»! Только там уже давно никаких книжных рядов нет, зато около метро большой развал образовался.

Только вот одна незадача – жил сей книголюбец в XIX веке. Умер в 1898 году, как раз за год до издания «Ежегодника». Так что купить эту книгу при жизни он никак бы не сумел. Получается, купить не мог, так просить кинулся?! Но он же давно помер! Неужто действительно стал привидением? Получается, рассказы о москвичах, которые остаются жить в городе после смерти, не выдумки?!

В это Николай поверить никак не мог. Однако сколь похожий портрет возник! В книге было написано, что, завидев интересную ему книгу, Мазурин «весь трясся, прижимая к груди облюбованную книгу», «умолял продавцов плаксивым голосом». Еще было сказано, что «за ним нужен был глаз да глаз: бывало, потихоньку вырвет страницу и начинает покупать книгу как с изъязном – по дешевке, а дома аккуратно клеит вырванный лист».

Еще подчеркивалось, что особо любил Федор Федорович девственные экземпляры – книги без помарок и с неразрезанными страницами. Купив такую книгу, он и сам не разре-

зал листов – берег. И, между прочим, этот странный библиофил насобирал огромную коллекцию антикварных книг, сам их реставрировал, чинил корешки, выводил пятна. После смерти Мазурина оказалось, что коллекция его уникальна – там было не только несчетное количество книг XIX века, но и семь тысяч томов старопечатных книг и книг XVIII века и семьсот рукописей XII – XVI веков. Теперь все они хранятся в Государственном архиве древних актов.

В той же книге Николай прочел и интересную деталь: «Вровень с книгами была у Мазурина любовь к кошкам. И в доме его жило полтора десятка этих животных».

Так вот что за кошки напали на Николая! Мазуринские животные отплатили за то, что актер не отдал книгу их хозяину. Только вот, если принять во внимание всю эту версию с привидением библиофила и его кошками, остается один вопрос: зачем ему, уже умершему, книги, вышедшие после его смерти?! Неужели страсть не угасла и на том свете он опять же собирает новую книжную коллекцию?!

Кто знает... А вот про Николая известно точно – после мистического приключения и фантазмагорической встречи с кошачьей стаей он начал получать огромное количество ролей. «У него истинный талант прорезался!» – резюмировали режиссеры. Вот такой полезной оказалась встреча.

Дамский чулок в темном проеме Улица Кузнецкий Мост, № 4

*И черным шлейфом бархатное платье
Метет за мной холодный мрамор плит...
Мирра Лохвицкая.*

Покинутая

А эта история случилась в начале 90-х, которые давно уже прозваны лихими. В то время мы плавно докатились после застоев и перестроек до того, что есть стало нечего, носить нечего, да и вообще покупать нечего. Не было ничего!

Но жить-то надо... Словом, в тот год власти Москвы объявили, что горожане могут продавать свои вещи прямо на улице в специально отведенных для этого местах. В центре место «отвелось», словно в насмешку над теми, кто довел страну до жизни такой, – в районе Лубянки. Народу в первый же день «открытой торговли с рук» набралось так много, что толпа растеклась и на Пушечную улицу, и на Петровку. Цепочки «торгашей» захлестнули и Кузнецкий Мост.

Моя приятельница, между прочим научный сотрудник, вместе с мужем (старшим научным сотрудником) решили, что продадут подписки журналов «Знамя», «Дружба народов», «Новый мир» и пр. В то время они пользовались бешеным успехом, поскольку там между строк прочитывалось куда больше, чем в других изданиях, а иногда даже попадались и диссидентские статьи.

И вот притащились Надя и Володя с сумками к Лубянке, но встать там негде было. Пошли по Пушечной, потом по Кузнецкому Мосту – кругом столпотворение.

Володя и решил, что надо подняться по Кузнецкому вверх к легендарному тогда магазину «Подписные издания». Там же продают книги, может, кто и журналы прошлых лет купит.

Да вот беда! Оказалось, что территория-то давно поделена между теми, кто давно продает тут книги с рук, – к научным сотрудникам, которые только собрались стать «торгашами», подскочил какой-то верзила и велел сматывать удочки от греха подальше.

Но Надя с Володей так устали, тащив комплекты журналов, что решили хоть передохнуть немного. Лавочек, как известно, в центре нашей столицы не предусмотрено, но на пересечении Кузнецкого Моста и Пушкинской улицы (теперь она Большая Дмитровка) Надя разглядела будку сапожника, которая каким-то чудом уцелела в круговерти времен. Перед будкой стоял стул для клиентов. Ну а поскольку их и в помине не было, стул пустовал.

Кузнецкий Мост. Вид с Лубянки

– Можно я у вас посижу? – спросила Надя старого сапожника. – Ноги не держат!

Сапожник оказался отзывчивым, а может, ему просто надоело сидеть одному – а тут сразу двое собеседников. Словом, Надя села на стул, Володя пристроил сумки рядом, и все трое завели беседу. Сначала все шло как обычно – ругали властей, жаловались друг другу на рост цен. А потом сапожник сказал:

– Гляди-ка, книжники домой рванули!

И точно – мимо будки уже спешили те, кто еще недавно торговал своими книгами на ступеньках магазина «Подписные издания».

– Чего ж они так быстро торговлю свернули? – удивился Володя. – Скоро конец рабочего дня, народ с работы пойдет, самая торговля начнется.

– Так ведь темнеет, – ответил сапожник. – А по темноте француженка прийти может. Не любит она тех, кто с газетами да журналами связан. К книжникам вроде получше относится, но все равно те опасаются.

– Какая француженка? – любопытствовала Надя.

Сапожник хмыкнул:

– Вот народ! В Москве живут, а московских легенд не знают... Ладно, расскажу. Было это в 1905 году, еще до той самой первой революции. Шел май, 13-е число – несчастливое. Во Франции в Каннах покончил с собой Савва Морозов. Небось слышали – миллионер-промышленник, меценат искусства. Здание Московскому художественному театру построил, денег давал. Да не на одно искусство! Сотнями тысяч революционеров снабжал. Только вот в один день надоело ему все это. Так и сказал кому-то там, в революционных верхах: «Что я вам – партийная касса, что ли?!»

Думал, от него отстанут. Уехал из России. Но и там его нашли. Стали приставать – дай да дай! А у Саввы еще и с женой скандалы, с матерью, родственниками. Не хотели те, чтобы их денежки на революцию шли. В общем, все вместе – семейка и революционеры – и довели бедолагу миллионера до ручки. Взял он револьвер и застрелился.

Весть об этом до России в тот же день дошла. Телеграф-то уже вовсю работал. Вот и вышли все газеты со скорбной новостью: «Застрелился Савва Морозов!»

В центре-то мальчишки-газетчики самые бойкие были. Весь Кузнецкий Мост заполнили своими криками. И как на грех, ехала в тот миг по Мосту на пролетке юная любовница Саввы – француженка Жозефина. Была она модисткой. Работала тут же на Мосту в одной из модных лавок, но не шила шляпки, а демонстрировала, то есть была по статусу куда выше портних да швей.

Савва, когда уезжал, ей пообещался: «Как вернусь, сниму тебе, Жужу, хорошенькую квартирку, накуплю бриллиантов. Всю дальнейшую жизнь будем жить вместе!»

А тут такой кошмар... Газетчики-мальчишки орут-надрываются: «Савва Морозов застрелился!» Жужу, не совладав с чувствами, выскочила прямо на ходу из пролетки и кинулась к мальчишке за газетой. Да неудачно! Навстречу какой-то лихач несся – ну и задавил бедняжку Жужу. Насмерть!

– Это что же получается! – всплеснула руками Надя. – Савва Морозов прав оказался?! Он же пообещал, что они всегда будут вместе. Вот и забрал бедняжку с собой.

Сапожник поежился:

– Не вышло так! Савва на том свете оказался, а Жу-жу хоть и скончалась на мостовой, да с Кузнецкого Моста не смогла уйти. Так по ночам тут и бродит. Все выискивает мальчишек-газетчиков и других, кто с прессой связан. Как стемнеет, здесь журналистам и газетчикам ходить не след: мстительна оказалась Жужу – мстит газетному люду за то, что не может соединиться с любимым Саввой.

– Сказки все это! – махнул рукой Володя.

Сапожник покачал головой:

– Нет... Того парнишку, у которого француженка хотела купить газету, нашли удушенным в ту же ночь с 13 на 14 мая вон за тем домом, где сейчас «Подписные издания». И что страшно – удушили мальчишку дамским чулком. Следствие потом было. И одна из подружек Жужу припомнила, что француженка именно такие чулки обожала. А через месяц тут в проулке журналиста задушили. И опять дамским чулком.

Моя будка на этом месте уж лет тридцать стоит. И при мне двоих газетчиков из «Известий» придушили, а предшественник мой, что в этой будке работал, сказывал, что и на его памяти убийства были. Мстит Жужу как может...

– Сказка! – усмехнулся не поверивший рассказу Володя. – Из серии «В одном черном-черном городе жила черная-черная фигура...» Брехня. Не верю!

– Я никогда не брешу! – помрачнел сапожник.

Володя подхватил сумки и скомандовал:

– Идем, Надя! Как раз место освободилось, а народ с работы пошел. Да мы сейчас все журналы продадим!

Но только они начали выкладывать «Новый мир» с «Современником», как из магазина выбежала продавщица:

– Не стойте здесь! Уходите! Тем более с журналами!

Но Володя не сдался:

– Теперь свободную торговлю разрешили. А журналы у нас – самые востребованные.

– Дурак! – грубо рявкнула продавщица, но связываться не стала.

– А могу я посмотреть? – нараспев спросила вдруг какая-то молодая женщина.

И откуда она здесь взялась, Надя и не заметила. Да и то – ведь они ругались с продавщицей.

А покупательница меж тем наклонилась к журналам на ступеньках.

– Это что-то новенькое! А не покажете ли вы мне... – Женщина обернулась к Володе. Тот с готовностью поднял журнал и протянул даме.

– Здесь плохо видно, – проговорила та. – Пойдемте к фонарю, вон туда!

Женщина показала рукой на ближайший фонарь, за которым таился узкий и темный проулок между домами.

И тут вдруг Надя вздрогнула: на покупательнице было черное бархатное пальто до пят (такие мало кто, но носит), но еще и изящная черная шляпка – такие давно никто уже не надевает. И не просто шляпка – настоящее произведение искусства старинной модистки!

Боже! Надя схватила мужа за рукав:

– Не ходи никуда!

Но Володя ее будто и не слышал. Как загипнотизированный, он покорно глядел на покупательницу, а та уже схватила его за рукав и потянула за собой.

– Не тронь его! – закричала на незнакомку Надя. – Ты не имеешь права!

– Отчего? – нараспев проговорила дама.

– Оттого, что я знаю, кто ты, – модистка-француженка Жозефина-Жужу! И нечего чужих мужчин сманивать, если без своего осталась! – выпалила Надежда.

Модистка ухмыльнулась, прошипела что-то по-французски и... растаяла в воздухе.

Володя тяжело вздохнул и... очнулся.

– Что-то мне холодно... – прошептал он. А потом вдруг вскинулся на жену: – Ты зачем покупательницу отогнала?

Но Надя уже собирала сумки:

– Идем! Поздно уже. Все равно в темноте никто наших журналов не разглядит.

Когда они, уже придя домой, сели за скудный ужин, Надя спросила:

– Ты хоть понял, кто к нам подошел?

Володя поднял на жену абсолютно честные глаза:

– Разве кто-то подходил?

– А чего же мы ушли?!

– Так ведь холодно стало...

И сколько потом ни билась Надя, муж действительно ничего не мог вспомнить о странной покупательнице. И до сих пор он твердит:

– Надьке вечно что-то мерещится!

А ведь если б не мерещилось, давно уже удавили бы Володьку в черном проходе между домами.

Между прочим, теперь нет уже легендарного когда-то на всю Москву магазина «Подписных изданий». В 2003 году дом реконструировали. Теперь здесь бизнес-центр «Кузнецкий Мост». Но книги все же остались – в закутке размещен отдел Дома педагогической книги.

Может, потому до сих пор кто-нибудь да и расскажет о француженке Жужу. Однако газетами вразнос на Кузнецком Мосту не торгуют. Опасаются...

В любой конец за 10 копеек Улица Кузнецкий Мост, № 15/8

*Их лица заливала краска,
От страсти или от жары?..
– Вам не встречалась та коляска,
Скажите, будьте так добры?*

Игорь Северянин.

Коляска

Другая абсолютно мистическая встреча произошла с Кириллом Поздняковым, который давно уже живет в Австралии. Но в 1990-х годах он обитал в Москве, где и старался создать свое дело. И так уж получилось, что расчетный счет он открыл в Мосбизнесбанке, головное отделение которого было на Кузнецком Мосту, № 15/8.

Банковское здание было старинным, построенным еще в 1898 году. Вход с витыми колоннами, в залах лепнина и позолота. И вот банковское счастье – финансовым учреждением это здание уже сто лет было, им и осталось. Поразительная стабильность, учитывая, что практически чуть не любое здание в Москве много раз меняло свой профиль.

Сначала (с 1898 г.) здесь был Московский международный торговый банк, в советское время тоже банковские учреждения, с 1963 года Международный банк экономического сотрудничества. Мосбизнесбанк, где открыл счет наш Кирилл, обосновался здесь в новое время, с 1990 года.

Однажды Кирилл сильно задержался в помещении банка с какой-то проверкой. Время поджимало, охрана уже начала беспардонно выгонять посетителей. Но Кирилла взял под крыло один из банковских клерков, которого ушлый Поздняков прикармливал на всякий случай. Вот случай и настал – клерк попросил охрану дать им еще полчаса поработать. Конечно, это было строго запрещено. Но в то время кругом царил бардак, так что в итоге все оказывалось можно.

Кузнецкий Мост, № 15/8

– Кирилл Сергеевич скоро уедет, – пообещал клерк, суя охраннику долларовую бумажку. – Мы закончим и такси вызовем.

Охранник неожиданно зло осклабился:

– Главное, не вызовите Серый экипаж!

– Это что за фишка – экипаж? – поинтересовался Кирилл.

– А, местная легенда! – отмахнулся клерк.

Но Кирилл отличался любопытством.

– Расскажи!

Клерк и рассказал, что знал.

В далеком XIX веке, когда Кузнецкий еще действительно был мостом через реку Неглинка, а не улицей, насыпанной поверх русла реки, здесь располагались французские лавки. Торговали типично французскими товарами – нарядами, косметикой, парфюмерией. Лавки быстро набрали оборот, хозяева разбогатели. Ну а там, где появляются большие деньги, что надо? Верно – банки и игорные дома. Первые были легальными, вторые, как обычно, нет. Поэтому, чтобы не подвести запрещенный бизнес, экипажи сновали вокруг и останавливались только около здания трех банков, открытых абсолютно законно. Но на самом деле извозчики дожидались тех, кто выходил из игорных домов. И стоит сказать, что не все проигрывались, многие, наоборот, выходили с карманами полными золотых и ассигнаций.

И вот нашелся один извозчик – решил заграбастать куш с такого выигравшего счастливого. Посадил в свой экипаж, завез в глухомань да и убил там. Денежки, известно, себе забрал. Только у убитого помещика было трое сыновей-удальцов. Выяснили они, что отец

их взял извозчика, одетого в неброскую серую одежду, сел в неприметный серый экипаж – с тех пор его никто и не видел. Проследили парни того извозчика и узнали, что через день после исчезновения их отца положил душегубец в банк огромную сумму денег, совпадающую с отцовым выигрышем.

Долго думать сыновья не стали – взяли и убили серого возилу.

Да только с тех пор в самые глухие и темные ночи стал появляться на Кузнецком Мосту Серый экипаж с возницей в сером. Иногда он долго стоял без дела, иногда вообще уезжал, но иногда все же подъезжал к человеку, вышедшему из игорного дома. И никогда не ошибался – тот, к кому он обращался, всегда оказывался из тех, кто проигрался в пух и прах.

– Барин! – предлагал Серый возница сладким голосом. – Видя ваше положение, готов подвезти в любой конец Москвы за десять копеек.

А надо сказать, что самая малая цена на короткий маршрут в пределах Садового кольца составляла 40 копеек. Ясно, что проигравшийся охотно соглашался, еще и благодарил, садясь в Серый экипаж. Вот только никто бедолагу никогда уже больше не видел.

– Куда же он девался? – с издевкой поинтересовался Кирилл. – Если следовать логике рассказа, кучер должен был набирать тех, кто выиграл, чтобы потом ограбить и убить.

– Кто же может понять логику привидений? – махнул рукой клерк.

И приятели пошли заканчивать сверку документов.

Через час уставший, но вполне довольный сделанным, Кирилл вышел на ступеньки Мосбизнесбанка, чтобы дожидаться такси, которое вот-вот должно было подъехать.

Но время шло. Такси не появлялось. Фонари у банка горели тускло, в то время на всем экономили. Кирилл хотел вернуться обратно в банк, но сообразил, что теперь охрана его уже не впустит.

– Черт, хоть бы кто подъехал! – в сердцах воскликнул он.

И тут, словно из-под земли, перед ступенями банка появился Серый экипаж. Темные гнедые лошади забили копытами, высекая искры из булыжной мостовой Кузнецкого Моста. Высокий извозчик во всем сером проговорил елейным голосом:

– Садись, барин! В любой конец Москвы за десять копеек!

И от этого приторно-елейного голоса, от давящей серой громады старинного экипажа, абсолютно нелепого у здания современного банка, повеяло таким жутким холодом, необъяснимым ужасом, что оборотистый предприниматель Кирилл, не боявшийся ходить на стрелку с авторитетами, вдруг заорал дурным тоненьким голосом и заколотил в двери банка руками, ногами, навалился всем корпусом. Ему показалось, что прошло много-много времени, но оказалось, всего-то несколько минут, пока охранники нажали на тревожную кнопку и из соседнего дома примчался наряд милиции.

Конечно, Кирилла задержали и повели в отделение. Потом, разобравшись, отпустили, потому что все объяснил прибежавший клерк. Никакого экипажа никто, конечно, не заметил. Но Кирилл отказался выходить из отделения, приговаривая:

– Вот наступит рассвет, тогда пойду!

На другой же день Кирилл закрыл свой счет в Мосбизнесбанке. Ну а потом, помыкавшись с бизнесом, вообще уехал из страны. Теперь, правда, часто приезжает. Жалеет, что уехал. Хочет вернуться. Но на Кузнецкий до сих пор ни ногой.

Сгоревшие ассигнации Улица Мясницкая, № 17

Ох, день-день-деньжата – деньги, денежки

Слаще пряника, милее девушки.

Все ищут ответа – где главный идеал?

Пока ответа нету – копите капитал!

Юлий Ким. Денежки

(из к/ф «Сватовство гусара»)

Любочка (именно так зовут знакомые мою подругу, несмотря на то что в ней 180 сантиметров роста и 95 килограммов веса) неожиданно для всех стала бизнесвумен. И за первые пару лет заработала столько, что решила свозить всю нашу теплую «девичью» компанию (четыре человека) отдохнуть на Кипр. Вот какая щедрая наша Любочка!

Однако так было не всегда. Первое время Любочка тряслась над каждым рублем. От нее и снега бы зимой никто не допросился. Дошло до того, что друзья стали Любочку игнорировать – кому охота общаться с патологической скрягой?! Но неожиданно – в одну ночь! – все изменилось кардинально и, думаю, навсегда. Любочка снова стала доброй и отзывчивой. А случилось вот что.

В тот вечер Любочка работала допоздна. Без обеда – это при ее-то комплекции! Но слабину себе не дала и что нужно доделала. Вот только вышла с работы злая как черт – есть хотелось. Впрочем, не обедала Любочка не только потому, что дел было невпроворот, а еще и оттого, что бой френд ждал ее в «Баре вредных привычек». Да-да, есть в Москве и такой – не тусовочный, не шикарный, но зато близкий сердцу. Находится он в боковой арке Главпочтамта. Публика там только своя, состоящая из завсегдатаев. Заведение крошечное, все друг друга знают. Бармен в курсе вкусов каждого посетителя. Даже коктейли для своих смешивает на глазок.

Мясницкая улица, № 17

Вот Любочка и зашагала по Мясницкой улице к почтамту. Прошла дом, другой и почувствовала, что жутко устала. Ноги передвигать ну просто сил нет! Сумка на плече стала казаться пудовой. К тому же Любочка чуть не столкнулась с парочкой, которая шла впереди, но неожиданно развернулась обратно. И о чем только люди думают? Шли себе спокойно – и вдруг на тебе, развернулись и понеслись так резво, будто убегали от кого.

Любочка и сама неожиданно почувствовала, что лучше бы развернуться и не идти дальше. Что за чертовщина? Мясницкая отлично освещена, луна вон полная на небе, только... Любочка вдруг осознала невозможное – на улице нет ни людей, ни машин. Да разве такое бывает?! Это же центр, тут вечное столпотворение! И вдруг – никого...

Конечно, любая бы развернулась и припустила, как та парочка, что только что убежала. Но не Любочка! 180 сантиметров роста и 95 килограммов – это же танк. И чем больше препятствий, тем сильнее Любочка прет вперед. К тому же в заветном «Баре вредных привычек» ее ждет бойфренд. Где еще она найдет такого, которому ее 180 сантиметров и 95 килограммов приглянутся?..

Словом, Любочка пропорола Мясницкую улицу, как заправский ледокол. Прошла мимо дома с портиком на втором этаже, потом мимо большущего серого здания, у ворот которого, кажется, сидит каменный лев. Сейчас льва не видно, один силуэт чернеет. А вот совсем какой-то тусклый домишко. За ним, слава богу, знаменитый магазин «Чай-кофе» с подсвеченными витринами.

Но дойти до витрин Любочка не успела. Темная фигура в длинном потрепанном черном пальто, невесть из какой подворотни выскочившая, устремилась прямо на Любочку. Вблизи стало видно, что это старик с белесыми жидкими волосиками. Он уставился на девушку выцветшими злыми глазами и пробормотал:

– Денежки, денежки мои!

Любочка попяtilась – не хватало только на пьяного бомжа нарваться.

– Где мои кровные? – простенал старикашка. – Обокрали! О-хо-хо!

Любочка постаралась обойти старика. Может, он вообще псих?!

Но обойти стенающего оказалось трудно. Он как-то ловко повторял движения Любочки: она вправо – и он за ней, она влево – и старик туда же. У Любочки уже и колени задрожали, страшно стало. А старикашка руку к ней протягивает:

– Поддай денежку старику Кусовникову!

И тут у Любочки словно второе дыхание включилось. Нет уж, никому она ни рубля не даст!

– Ишь чего захотел! – взвизгнула она и замахнулась на противного старикашку сумкой.

Но... сумка Любочки прорезала воздух. Попрошайка же склонил трясущуюся голову к плечу и выдохнул:

– Нехорошо! По миру пойдешь, по миру!

– А ты меня не пугай! – рывкнула Любочка и осеклась...

Противный старикашка покачнулся и растаял в воздухе.

Если вы думаете, что Любочка застучала зубами или закричала от страха, то это не так. Любочка только прижала покрепче к себе сумку и выругалась. Как известно, наши бизнес-леди вполне освоили здоровый русский мат. Сразу стало легче, и Любочка быстро зашагала мимо чайного дома в заветный «Бар вредных привычек».

Страшно Любочке стало только завтра, когда одна за другой сорвались сразу несколько, казалось бы, абсолютно надежных сделок. К вечеру выяснилось, что еще и банк, в котором она собиралась взять кредит, ей отказал. Словом, Любочка оказалась с теми же

крошечными деньгами, с которыми начинала бизнес. Только теперь на ней еще повисли и долги.

Вот когда на ум пришли вдруг слова странного старикашки: «По миру пойдешь!» Точно – пойдет...

Через неделю «бизнеса» долг Любочки достигал уже стоимости ее единственной квартиры, сделки срывались как по плану. Любочка впала в панику. Вот тогда-то бойфренд и отвел ее к одной даме-гадалке, что числилась в завсегдатаях «Бара вредных привычек». Действительно, разве знать будущее – не вреднейшая привычка человечества?

Дама выслушала Любочку, покачала головой в красном шарфе и всплеснула руками, усеянными массивными браслетами и кольцами:

– Так вы же со стариком Кусовниковым встретились!

– С кем? – удивилась Любочка. Но вдруг и сама вспомнила: старик именно эту фамилию называл.

– Старик Кусовников жил как раз в доме номер 17 по Мясницкой улице, на месте которого стоит нынешний дом, около которого вы его и встретили.

Дама-гадалка усадила Любочку – рассказ-то долгим будет – и поведала стародавнюю историю.

В начале 1840-х годов дом № 17 на Мясницкой улице перешел во владение четы Кусовниковых. Муж, Петр Петрович, происходил из древнего купеческого рода, разбогатевшего еще в конце XVIII века и ставшего вести жизнь вполне аристократическую. Сам Петр Петрович был человеком уже почтенного военного звания – генерал-майором, к тому же весьма богатым.

Дом № 17 Кусовников решил выкупить потому, что в начале XIX века тот принадлежал его родственнику – лейб-гвардии капитану Алексею Кусовникову. Однако, приобретая дом, Петр Петрович и не подозревал о его тайне. Оказалось, что в большом доме несколько комнат были заколочены. Ясно, что Петр Петрович приказал открыть эти потайные комнаты. Но когда он увидел их убранство, то, как говорят, немного умом тронулся. И немудрено! Комнаты были обиты черным штофом, даже потолки черные. По стенам шла замысловатая черно-красно-золотая лепнина с загадочными знаками и символами. Выяснилось, что Алексей Кусовников был ярый масон, член ложи «Соединенных друзей», вот он и сделал несколько тайных комнат, предназначенных для масонских собраний и обрядов.

Новый хозяин, Петр Петрович, конечно, приказал снова закрыть комнаты, но сам стал тревожен, нелюдим, перестал спать ночами, словом, как говорили его друзья, «потерялся умом в тех черных комнатах».

Тут стоит вспомнить, что род Кусовниковых всегда отличался странностями. Предок Петра Петровича, петербургский купец-миллионер Михаил Семенович Кусовников развлекался еще на рубеже XVIII – XIX веков очень своеобразно. Оденется в лохмотья и явится в самый богатый магазин, а чаще всего в ювелирную лавку. Выберет дорожный бриллиант и требует, чтобы ему показали. А когда продавец или хозяин попытается выгнать «нищего бродяжку» вон, Кусовников вынет из кармана пачку ассигнаций и бросит на прилавок:

– Вот! Знай наших! Всю ювелирную лавку могу купить, не то что один брульянт!

Продавцы, конечно, тут же в пояс кланяются с извинениями. А Кусовникову только того и надо – уважения.

Между прочим, жил он в одном из самых престижных домов Петербурга – на углу нынешнего канала Грибоедова и Невского проспекта. Этот трехэтажный особняк (№ 30/16) построил сам великий Растрелли. После смерти Кусовникова дом перешел к его дочери Ольге, вышедшей в 1828 году замуж за знаменитого барона Василия Энгельгардта, того самого, что устраивал в Петербурге знаменитые балы-маскарады, на которые съезжалось все светское общество и где бывал сам император Николай I. Именно этот дом Энгельгардта и

описал Михаил Юрьевич Лермонтов в своей драме «Маскарад». Словом, несмотря на купеческое происхождение, Кусовниковы принадлежали к высшему обществу.

Вот и о московском Петре Кусовникове не следует говорить, что он был «замызганным старикашкой», как иногда пишут. Просто возраст и впечатление от черных масонских комнат повлияли на его бедный ум. Петру Петровичу стало мерещиться, что все хотят его ограбить. Вот он и удумал: перевел деньги в банковские ассигнации (что-то вроде облигаций – платежных обещаний банка), упаковал их в непромокаемый мешок и стал прятать каждый день дома в разных местах. Опасаясь воров, всех слуг Кусовников рассчитал, гостей не принимал, на себя почти ничего не тратил, питался чуть ли не черствым хлебом. Супруга его, Варвара Ивановна, была женщина кроткая, на феноменальную скупость супругу не пеняла – раз муж велел питаться сухариками, не общаться ни с кем, обходиться без прислуги, – так тому и быть. А может, она и сама была жадна.

Варвара Ивановна даже дикую затею мужа одобрила: чтобы избежать ночного воровства, Кусовников нанимал извозчика и всю ночь колесил по Москве, прижимая к груди заветный мешок с ассигнациями. Ну и Варвара Ивановна восседала рядом, цепко ухватившись за шкатулку со своими семейными драгоценностями. При этом одевались супруги в рванину, чтобы не привлечь ненужного внимания.

Но как-то раз пришлось им все-таки выбраться из дома на неделю. Дела в подмосковной усадьбе потребовали присутствия. К их возвращению истопник решил протопить хозяйскую спальню, вот и затопил печь. Откуда ж ему было знать, что странный хозяин перед отъездом засунул туда свой заветный мешок, а хозяйка – шкатулку?!

Крик, поднявшийся едва чета Кусовниковых, возвратившись, переступила порог спальни, говорят, был слышен по всей округе. Увидев, что ее драгоценности переплавились в сплошное месиво, бедная Варвара Ивановна упала замертво. Петр Петрович, узрев пепел вместо ассигнаций, оказался поживучее – похоронив жену, он кинулся в банк:

– Нельзя ли восстановить ассигнации по имеющейся описи?!

Но банк ему отказал. Вот тогда-то бедняга Кусовников и тронулся умом по-настоящему. Некоторое время он в рублище гулял по Мясницкой, распугивая прохожих. Ну а потом умер, да не смог уйти на тот свет – все надеется вернуть свои сбережения. Вот и пугает теперь людей в полнолуние – стонет и плачет, а потом просит денег.

– Встреча с ним не обещает для денежных людей ничего хорошего. Особенно, если бизнесмен откажется дать ему денег, как вы, Любочка. Тогда он злится и разоряет весь бизнес.

– Что же мне делать? – чуть не в слезах вскричала бедная Любочка. – Эдак я точно по миру пойду!..

– Можно исправить ситуацию, – проговорила гадалка.

Любочка с грацией бегемотихи плюхнулась на колени:

– Скажите как? Я на все согласная!

– Тогда идите в полночь на Мясницкую улицу и у дома номер 17, где раньше было жилище Кусовникова, положите на мостовую самую крупную купюру, что у вас имеется.

– Все, что есть, положу! – выдохнула Любочка.

– И скажите уважительно: «Петр Петрович, Варвара Ивановна, вот ваши денежки!» И уходите быстро, не оглядываясь.

Любочка все сделала, как учили. И дела наладились. Через пару дней позвонил один заказчик, потом другой. Пошло дело снова вверх – к прибыли.

Вот как относиться к такому рассказу?! Не верите – ну и ладно! Но все-таки не гуляйте во владениях Кусовниковых в полнолуние. Береженого Бог бережет. Ну а встретите бедного старика-привидение, дайте хоть рублишко, проявите сочувствие к погорельцу.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ, ИЛИ КУЛИЧКИ КНЯЗЯ ТЬМЫ

Москва – город-пазл: стариннейшие здания, явленные миру много сотен лет назад, соседствуют с домами, построенными в бурные времена строительства хрущоб в Черемушках и других спальных районах, и со зданиями, возведенными в самые последние годы. И ничего – вполне мирно уживаются!

Вот только жители центра не стремятся выехать из старого и ветхого жилья. Даже когда в 50 – 60-х годах XX века расселяли коммуналки, «центровые» москвичи стремились остаться. Пусть коммуналка, пусть сырые дома, а на улице загазованность выше крыши – зато центр!

Но находились и исключения. Например, жители Ивановского переулочка, переименованного в советские времена в улицу Забелина, рвались куда угодно, хоть на самую окраину – лишь бы не в этих стенах! А ведь это – самый центр, легендарный Белый город. Да здесь что ни камень – глубочайшая, интереснейшая история! Однако жители Ивановского переулочка и окрестностей грезил не о престиже и истории. Они мечтали о... покое. Ибо в их квартирах раздавались томительные стоны, неожиданно холодало так, что кровь застывала в жилах, и в необъятных старинных коридорах возникали темные фигуры. Призраки – и это в XX веке!..

Игры в Кулишках **Ивановский холм – территория в районе** **улицы Забелина и Ивановского переулка**

*И при огненной луне —
Я брожу, тоской объята;
Вспомнить, вспомнить надо мне!*

Мирра Лохвицкая.

Забытое заклятье

Старожилы XX века вспоминали, что нынешние жилые квартиры в переулке и по улице устроены прямо в бывшем доме причта Ивановского женского монастыря и в сохранившихся кельях монахинь – вон напротив собор с куполами, с которых в 1918 году скинуты кресты. Видно, сами монастырские стены стонут, протестуя против богопротивного разрушения, и «гости из прошлого» будоражат жизнь нынешнюю.

Историки же вспоминали еще более древнее: в языческие времена здесь было странное место, состоящее из сочетания болот и холмов. Из первых постоянно вырывались то фонтаны грязи, а то и устрашающие болотные огни. На холмах же, как их называли раньше, земляных куличиках, стояли идолы древних богов, вокруг которых ведуны и волхвы устраивали свои тайные служения. Словом, устрашающе-гаинственное место, к которому простому человеку не следует приближаться, не то что селиться в домах, пусть построенных и спустя века, но на нехорошем месте.

В христианские времена старых языческих идолов с холмов скинули, болота осушили. Темный еловый бор, росший на самом высоком холме, быстро разросся на земле, удобренной прежними болотами. Место назвали Елохом под Старым Бором (то есть еловым лесом, не путать с позднейшим Елоховским у нынешней станции метро «Бауманская»). Вот только худая слава Ивановского холма осталась.

Жители округи шептались, что по бывшим болотам бродит неприкаянная и оттого злая кикимора, готовая в любой миг утащить свою жертву в мир нежити. Будто бы к ее стенаниям присоединился и леший, потому что жители стали рубить еловый лес на постройки и дрова и теперь сгоняют лешего с насиженных мест. Да и старые языческие идолища, то ли засунутые в болота, то ли погребенные где-то под землей, стонут по ночам, аж кровь в жилах стынет. Не мудрено, что однажды пошел слух, что на холмах-куличиках бесы поселились. Играются в свои бесовские игры. Призывают самого князя тьмы. И тот на зов является. Появился даже словесный оборот – у черта на куличках, то есть на бесовских игрищах.

Однако это место под Бором находилось прямо под боком святого Московского Кремля. И вдруг – игрища князя тьмы?!

В борьбе с таким внутренним злом следовало предпринять самые кардинальные меры. Начали со строительства церквей. Вокруг храмов образовались поселения прихожан. Конечно, Кулишки пока в черту города не вошли, и потому «жить на Кулишках» означало «в несусветной дали». Но места обживались. Прежнее значение чертовых куличек забывалось. Слово начали произносить как «кулишки» или «кулижки» и объяснять, что «кулижками» (кучками) вырубался лес, отсюда и название местности вокруг Ивановской горки – Кулишки.

Бесовское действо **Славянская площадь, № 2,** **храм Всех Святых на Кулишках**

Тогда лунный путь вскипает, из него начинает хлестать лунная река и разливается во все стороны.

Михаил Булгаков.

Мастер и Маргарита

В конце XIV века великий князь Дмитрий Донской решил положить конец разным слухам. По его приказанию в Кулишках, что под Бором, была выстроена огромная деревянная церковь Всех Святых. В ее подвалах и вокруг на кладбищенской территории были захоронены герои, павшие в Куликовской битве. Церковь-мемориал небесных святых приняла земных ратных мучеников. Ну и разговоры про нечистую силу прекратились. В самом деле, откуда же быть нечисти, ежели в церкви упокоились самые чистейшие и мужественные герои-защитники?!

Теперь москвичи говаривали, что название Кулишки вообще пошло от названия великострадального Куликова поля. Словом, как написали летописи, «посрамлены были беси и окончатися противостояние на Кулишках». Только вот разве бесовщина сдается без кровавого боя?

К началу XVI века деревянная церковь сильно обветшала. И вот (дело было еще до Смутного времени и боев 1612 года) решили старое здание снести и на его месте возвести храм каменный, опять же Всех Святых или Всехсвятский. Работы ожидалась капитальнейшие – планировалось перестроить подземные усыпальницы, закрыть братское кладбище, переведя его в другое место. Но тут начались смутные времена. И снова ожили мистические воспоминания: опять пошел разговор, что Кулишки – территория князя тьмы. А защитники Куликова поля, пока были захоронены в подземельях Всехсвятской церкви, землю от зла защищали, но когда потревожили их прах – осерчали на неблагодарных людей. И некому стало защищать землю Русскую. Вот и пожаловали иноземцы – брать Русь чуть ли не голыми руками...

Однако на любую руку, как известно, существует ежовая рукавица. Иноземных захватчиков изгнали. На трон выбрали Михаила Романова. Смутное время закончилось. Храм Всех Святых на Кулишках, пострадавший в результате боев 1612 года (тогда прямо около его стен стояли пушки ополченцев), решено было привести в порядок. А к 1660 году перестроили и подземные усыпальницы.

Вот только во время строительных работ, особенно после того, как тела воинов Куликова поля перенесли из храмовой усыпальницы в другое место, начали каменщики как-то опасно приходить на работу. Оказалось, многие слышат странные стоны, стуки, жалостливые плачи. По строительным артелям пополз слух – усопшие гnevаются за то, что с ними так бесчеловечно поступили. Быть беде!

Расцвет Кремля. Всехсвятский мост и Кремль в конце XVII в. Художник А.М. Васнецов

И лихо случилось. На другое утро после нового освящения храма настоятель явился пораньше. От дверей кликнул ночного сторожа, но тот не отозвался. Настоятель позвал еще разок и тут услышал из дальнего притвора жалобно-перепуганный вскрип. Кинулся туда, а там...

На каменном полу, скорчившись и закрыв голову руками, лежал насмерть перепуганный сторож. Настоятель начал приводить его в чувство, и сторож, еле ворочая языком, рассказал такое!..

Огромная белая луна вползла ночью в верхнее окно храма. Стало жутко от ее призрачного света и страшного холода, сковавшего церковь. А потом стукнуло что-то над алтарем. Сначала тихо, потом громче и забило-загудело так, что со стен одна за другой стали падать иконы. Прямо над алтарем вспыхнул ядовито-голубой отсвет, скатился в большой плотный шар и вдруг лопнул на крохотные горящие куски, брызнув искрами по всему храму. И в тот же миг золоченый ангел, вырезанный из единого куска дерева, сорвался со стены и рухнул на пол...

Уже к вечеру о случившемся узнали все окрестные жители, на другой день – весь город. Сохранились древние записи: «Быть всю ночь стук громкий во стенах, и свечение дьявольское под сводом разливалось. Беси то себе потеху дея...»

Вспомнили и мастеровых, рассказывавших о жутких столах и стуках: усопшие гневались... Вспомнили и о давно забытом: кулишки – вовсе не поляны, в бору вырубленные, а холмы-куличики – забавы для бесов. Впрочем, холмы-куличики – одно, а нечистый дух в церкви – совсем другое. Никогда доселе такого не случалось в Москве православной!

Были вызваны лучшие специалисты по изгнанию бесов. Службу решили не прекращать, а молиться в храме еще усерднее и круглосуточно. Денно и ночью священники с паствой били земные поклоны, читали молитвы. Храм окурили ладаном, окропили святой водой. Это помогало, но ненадолго. Едва смолкали молитвы, снова слышался тревожный стук, яростный треск, словно кто-то изнутри хотел разломать святые стены. Бес был силен. Но и священнослужители не отступали. Через неделю паства потихоньку разбежалась по домам, но священники не сдавались. Это было их реальное сражение с силами тьмы.

Москвичи следили за этим противостоянием затаив дух. Видели, как часто, не выдерживая напряжения, священники падали прямо в церкви, и их выносили на свежий воздух – отдышаться. Батюшки были измотаны и истерзаны, но не сдавались. Если кто-то выбывал, теряя сознание, на его место заступал другой. Это чудовищное противостояние длилось две недели. В последний вечер сражения в храме раздался невероятный грохот, будто сам купол рухнул вниз. Молящиеся застыли в ужасе, но не перестали читать молитвы. Вмиг неведь откуда налетел ледяной ветер. Погасли разом все свечи. Некто, не видимый в темноте, тяжело охнул – и... наступила тишина. Полная! Ни один из священников не шелонулся, но и ни одного стука бесовского не раздалось более. Молитвы победили!

Храм Всех Святых на Кулишках. Конец XIX в.

Поутру храм освятили заново. Торжественно и пышно при огромном скоплении народа. Люди благодарили Бога за избавление от напасти. А в самый разгар службы луч солнца неожиданно протиснулся через окна и волшебным чистым светом осветил иконостас Всех Святых. Видно, и они принимали участие в изгнании беса. И каждый, кто в ту минуту был в храме, ощутил невероятную приподнятость духа и радость всеобъемлющую.

Великий ужас в церковной богадельне Улица Солянка, № 4

*Не замолю я страшный грех —
Он странен и велик!
Но я смеюсь, и слышу смех,
И вижу странный лик...*

Тэффи.

Монахиня

Однако нечисть хоть и замерла, но только на время. Не хотелось бесенятам перестать играть в свои куличики. Уже через несколько лет поползли по Москве слухи – опять нечисто в проклятых Кулишках.

На этот раз поздней осенью (или ранней зимой?), на рубеже ноября – декабря 1666 года (чувствуете, прямо-таки число зверя – три шестерки?) опять-таки в святом месте – женской нищепитательнице (богадельне) обнаружилась новая «сила диаволова». Богадельня была основана при церкви Святой Животворящей Троицы на Солянке на том месте, где сейчас стоит дом № 4. Храм этот был заложен по благословию самого первого Московского патриарха Иова и потому считался особо почитаемым и благодетельным. И вот в его богоспасительном доме началось твориться нечто невообразимое и страшное: как наступит ночная тьма, так в коридорах и комнатах стучит кто-то, кричит и завывает дурным голосом. Сначала думали, что приходящие служанки или свои послушницы столь непотребно шалят. Стали их закрывать на ночь на запор в одной келье. Но это не помогло.

Со временем стало только еще хуже и страшнее – кто-то невидимый начал стаскивать, а то и сбрасывать старух и монашек с их полатей и лавок. В полночь начинался и вовсе кромешный ад: свечи по всем помещениям гасли враз, а по коридорам кружились какие-то черные сгустки, словно колдуны в зловещих танцах.

Богадельня перешла на осадное положение. Никто уже не спал по ночам. Несчастные напуганные старухи сбивались в одну келью и молились до рассвета. Господи, спаси и сохрани!

Священники, вызываемые в богадельню, читали молитвы, да видно, и сами жили не без греха – не слышал Бог их молитв, не давал управы на черных духов. Один из священнослужителей вынес вердикт: в богадельню «по действию некоего чародея вселился демон и живущим тамо различные пакости творяще».

Дошло до того, что про «место диаволово» прознал сам царь Алексей Михайлович. По его приказу один из приближенных бояр провел в страшной богадельне ночь. Наутро посланные царем слуги еле сумели привести боярина обратно – так плохо он себя чувствовал от перенесенного ужаса.

Царь собрал совет: что делать? И один из бояр, Димитрий Кучка, предложил послать за преподобным иеромонахом Илларионом. Этот святой старец проводил жизнь свою в уединении Флорищевой пустыни. Но к нему часто приезжали за советом и благословением. Москвичам повезло, что именно в конце 1666 года старец оказался в столице. Ведь, как свидетельствовала летопись, преподобный Илларион «молитвами своими мог прогонять нечистых духов».

Однако, когда Иллариона привели к Алексею Михайловичу, монах отказался от царской просьбы. Это было неслыханно, но старец стоял на своем:

- Не смею по духовной немощи связываться с нечистым духом!
- А кто ж тогда смеет, коли не ты? – удивился царь.

– Есть и иные старцы! – смиренно отвечив Илларион.

Царь нахмурился. Он, как известно, звался Тишайшим, но накричать да пригрозить мог почище своего сына – будущего Петра Великого.

– Негде мне иных искать! – рявкнул Тишайший. – Там старухи беспомощные от страха мрут, а мы с тобой турысы разводим!

Словом, прямо из царской приемной Илларион попал в богадельню. Взглянул и ужаснулся – обитательницы нищепитательного дома дрожью дрожат, затравленными глазами смотрят. Уж и не чают спасения...

В тот же вечер, укорив себя за бесчеловечность, начал преподобный Илларион священное действие. Он прочел подобающие молитвы и, обойдя богадельню, окропил все стены святой водой. Затем, уверенный в своих силах, велел всем обитателям помолиться и спокойно ложиться спать. Лег и сам, накрывшись старой шубой.

Да только, едва лег, услышал жуткие стоны, крики, вопли. Луна, проскользнув в каморку, глядела на все ледяным, студеным, почти смертельным взором. Двери богадельни начали скрипеть и раскачиваться, хотя никакого ветра в помине не было. Как рассказывал потом сам старец, «неистовый дух привел его в страх великий, оторопь ледяную». Нечто черное спихнуло монаха с лавки на земляной пол. Накрыло поверх шубы старым мешком, из которого сыпалось какое-то протухшее зерно. Потом в него полетели тяжелые ножи с трезубыми вилами. Правда, ни те ни другие не вонзились в преподобного старца, останавливаясь, не долетев на вершок и падая на пол. От эдакого действия старцу стало еще более жутко.

Он забился под свою шубу и начал лихорадочно читать молитвы. И потихоньку, от их святых слов, ужас отступил от души преподобного. Он расправил плечи и поднялся с пола. И тут со стены сорвалось распятие и грохнулось, разбившись на куски, едва не зашибив старца. Как вспоминал он потом, это снова «посеяло в душе великий ужас и нечеловеческое смятение». Уже почти теряя рассудок, старец рухнул на пол, но молиться не перестал. Сначала произносил слова как в лихорадке, плохо понимая, что говорит. Но понемногу к словам вернулся смысл.

– Господи, помоги, дай мне сил! – взмолился старец из последних сил.

И Бог услышал его! Стенания, вопли и крики прекратились. Илларион уже осмысленно начал читать молитвы, изгоняя беса. Голос его окреп – монах перешел в наступление. «Распевая псалмы святые и молитвы неодолимые, кропя повсюду», старец ринулся по кельям и коридорам богадельни. Его голос звучал победной иерихонской трубой. Трижды он сумел обойти все помещения, совершая святой обряд изгнания беса. И справился – выгнал-таки!

Церковь Кира и Иоанна

Это была настоящая битва света и тьмы. И одним днем она не закончилась. Еще «пять недель с двумя иноками там подвизался в молитвах», как отметила летопись. А потом еще десять недель оставался в нищепитательнице – на всякий случай, дабы «бесу неповадно вернуться». Словом, это была тяжелая победа. Недаром, когда впоследствии Илларион был назначен митрополитом Суздальским и Юрьевским, летописец написал о нем: «Царев храбрый воин и в битве победитель, супостатом непреодоленный, нечистому духу страшный, а всему миру – явный и дивный чудотворец».

Вот так-то!

С тех пор и обитатели богадельни, и прихожане церкви Троицы на Солянке вздохнули с облегчением. Никакой бес не тревожил их более. Однако дух этого места спокойствия так и не обрел. Иначе чем бы объяснить, что и богадельню, и саму церковь вкороности объединили приходами с Пятницкой церковью, а потом и вовсе снесли. И только к 1768 году Екатерина Великая приказала возвести на этом месте храм в честь святых Кира и Иоанна. Дело в том, что именно в день их памяти новая правительница и пришла к власти.

Но злой гений места и на этом не успокоился. Храм неоднократно перестраивался и горел. Во второй половине XIX века его отдали во власть Сербского митрополита. Ну а при советской власти сначала закрыли, а потом, в 1934 году, вообще разрушили. На его месте выстроили какие-то дома, но и их снесли.

В 2000 году на этом «лихом пятачке» вырос огромный кирпичный дом-коробка. И только между домами чудом сохранился столб от ограды – единственное напоминание о варварски разрушенной некогда церкви.

Новый дом по веянию времени набит конечно же магазинами. Но вот показательно – и они не удерживаются на «худом месте», постоянно меняясь. А москвичи часто вспоминают поговорку – у черта на куличках. Теперь это место, конечно, не абы какая даль, напротив – центр города. Но чертовы кулички все равно остались. Недаром, если и сейчас пройти в темноте мимо этого «места дьяволова», в обычных городских звуках слышится странный монотонный, пугающе-враждебный шум.

САМОЕ МРАЧНОЕ МЕСТО НА КАРТЕ МОСКВЫ ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ ИВАНОВСКОГО МОНАСТЫРЯ

Впрочем, от «диаволовой силы» в этих местах трудно избавиться, ведь рядом, опять же на Ивановском холму, одно из самых, как говорят историки, «мрачных мест на карте Москвы» – Иоанно-Предтеченский женский монастырь, именуемый в народе просто Ивановским, – и опять же – на Кулишках. Вот где гений сатанинского места и «великого ужаса» потешился всласть на протяжении многих веков. И историй, связанных с ивановскими тайнами, оказалось великое множество. За полтысячи лет монастырь стал и местом тайного хранения людей заживо, и отделом пыточной канцелярии, и тюрьмой для виновных и невиновных. Словом, историй, ледящих кровь, поднакопилось. Остановимся на самых таинственных. Начнем со времен самой постройки мрачной обители.

**«Во искупление грехов своих...»,
или «Будешь иметь злое чадо...»
Улица Забелина, № 4, Малый
Ивановский переулок, № 2**

*На рабы своя, от Бога данная,
жестокосерд вельми,
и на пролитие крови на убиение
дерзостен и неумолим.*

Князь Катырев-Ростовский

А строительство действительно началось с мрачных сцен истории. По легенде, монастырь основан Еленой Глинской, матерью Ивана Грозного. Молодая красавица Елена заняла подле царя Василия III Иоанновича (правильнее его следует величать великим князем Московским) место, ранее принадлежавшее его предыдущей жене, Соломонии Сабуровой. Как известно, Соломония была бездетна и Василий, который, естественно, нуждался в наследнике, развелся с ней. Говорят, несчастная Соломония прокляла молодую соперницу. Возможно, так и было. Достоверно же известно следующее: в 1525 году великий князь Василий решил развенчаться с супругой и написал о том патриарху Иерусалимскому, у которого и следовало властителю просить разрешение на развод.

Однако патриарх Марк разрешение на развенчание не дал. Более того, прислал Василию III письмо гневное и нелюбезное да еще и с пророчеством о новой женитьбе: «Будешь иметь злое чадо, и царство твое наполнится ужасом и печалью!..»

Все знали, что Василий женился 4 сентября 1505 года по большой любви, выбрав Соломонию из полутора тысяч невест знатных фамилий, привезенных к московскому двору, и прожил с ней двадцать лет. И вот вдруг князь заявил, что желает сочетаться новым браком с юной красавицей Еленой Глинской. И это притом, что в великокняжеском роду Рюриковичей отродясь не бывало никаких разводов!

Вот тогда-то патриарх Марк и отписал в Московию разгневанное письмо, в котором предрек, что младенец, рожденный после такого злого деяния, и сам станет «вместилищем злобы» и «опустошит царство своя, ака тать ношная, аспид полунощныя и василиск диавольския». Ах, если бы патриарх ошибся! Но пророчества, как на грех, сбываются...

И ведь не один патриарх Иерусалимский восстал против развенчания русского князя! Самые влиятельные люди Московии выступили против развода. Венчание являлось таинством Бога, и не в силах человека было его нарушить. Но Василий пошел напролом. Выступившего против расторжения брака митрополита Московского Варлаама он лишил сана и сослал, так же как и виднейшего деятеля русской культуры Максима Грека. Тот, не убоившись, написал, что развенчание княжеское – «все гордыня да сатанинская похоть на старости годов». Словом, весь мир «восстал и был против». Но Василий III настоял на своем. Подкупами и угрозами он сумел уломать нового «карманного» патриарха Даниила. И тот дал согласие провести церемонию.

25 ноября 1525 года Василия и Соломонию развенчали. Брошенную жену насильно постригли в монахини в Богородице-Рождественском монастыре Москвы. Ну а великий князь Василий женился на красавице Елене Глинской. Молодую супругу князя не принял никто – ни ближние придворные, ни дальний народ.

Не один Иерусалимский патриарх Марк предсказывал рождение «злого чада» и царя, который принесет на Русскую землю разорение, кровь и печаль.

Почти за сто лет до этого блаженный Михаил Клопский предсказал рождение кровавого и грозного царя и многие события его жизни. А еще раньше зверства царствования Ивана предсказал Василий Немчин, любимый астролог, прорицатель и лекарь Василия III. Судя по фамилии, Немчин был иностранец (тогда всех плохо или совсем не говорящих по-русски звали немцами, то есть немцами). Этот Немчин обладал запретными талантами: умел не только исцелять хвори, но и изгонять бесов из больного человека, отводил дурной глаз и мог даже наказывать обидчиков – наслат на них неисчислимыя несчастья.

«Будет государь-упырь, кровопийца, у которого начало будет как у великого воина, а окончание плачевно – как у одержимого бесом детоубийцы...» – предсказал Немчин. И еще отметил, что в его царствовании «именем собачьей головы будут свершаться многие дерзости и казни». То есть Немчин предсказал и ужасы опричнины (как известно, именно опричники носили у седла собачьи головы, как некий символ верных царевых псов).

Елена Глинская тяжело носила свое дитя и постоянно требовала мужнина присутствия. Наверное, пронизательная молодуха боялась, что бояре, бывшие против ее замужества, изведут ее, не дав родить Василию III наследника.

«Во искупление своих грехов», как отметил летописец, Елена и приказала заложить в честь Усекновения главы Иоанна Предтечи Иоанновскую женскую обитель, что на Кулишках под Бором.

И вовремя: 25 августа 1530 года в день освящения церкви Иоанна Предтечи родился первенец Елены и Василия, которого и назвали Иваном. Да только в день его рождения над Москвой разразилась такая гроза, какой не знали столетия. С церковью попадали кресты. И это был ужасный знак, предвещавший страшные беды земли Русской. Гроза пророчила о своем – о Грозном.

И поползли по Москве мрачные пророчества: станет Иван грозным царем, и, как кресты, полетят головы ни в чем не повинных людей. А про вновь построенный монастырь стали шептаться: «Недоброе место. Мрачные стены – мрачные дела...»

А в сопредельном Казанском ханстве мудрая ханша в тот же день объявила русским послам (о чем они не преминули сообщить в Москву): «Народился у вас царь, а у него двои зубы: одними ему есть нас, татар, а другими вас, русских!» И вещунья оказалась права не только в связи с будущим походом на Казань и казнями по Руси, но и в самом прямом смысле: у народившегося младенца действительно были зубы, а в некоторых местах и по два в ряд. Хорошо, хоть это были молочные зубки, которые потом выпали...

Пророчества и предсказания сопровождали Ивана Грозного всю жизнь, словно люди с первых минут его рождения почувствовали угрозу. Даже когда он был еще не испорченным юношей, вокруг него роился рой мрачных предсказаний. Даже в день его бракосочетания, 3 февраля 1547 года, на красавице Анастасии Романовне Захарьиной-Юрьевой (Кошкиной), которую нынче принято называть просто Анастасией Романовой, прозвучало недоброе пророчество, а потом и случились ужасающие события. А ведь Иван тогда был молод – всего-то семнадцать лет, его юная кроткая супруга – моложе на два года. Казалось бы, что можно предсказать столь юным людям? Оказалось, можно. Прямо на соборной площади прозвучал выкрик юродивого:

– Уберите топоры с секирой! Он ночью всех зарежет и забьет!

Впечатлительная Анастасия чуть в обморок не упала. Ну а Иван вспомнил шепот придворных, как в день венчания его отца и матери такой же вот юродивый с длинными нечесаными волосами-паклями вопил:

– Рожденное в незаконном браке чадо превратится в государя-мучителя!

Словом, патриарх Марк явно был не един в своем предсказании.

Ну а потом в медовый месяц Ивана и Анастасии случилась и вовсе ужасная беда. В первый день марта загорелась церковь Воздвижения Креста Господня на Арбате. От нее

выгорела вся западная часть города, вплоть до Москвы-реки. Затем сильнейший ветер перенес огонь на Кремль. От верхового пожара вспыхнул Успенский собор, за ним Благовещенский. Огонь перекинулся на царские жилые хоромы. Но более всех пострадала Оружейная палата – она сгорела дотла. Москвичи сочли это ужасным предзнаменованием. И, как потом показала история, были правы.

Немудрено, что все эти кошмарные события не могли не воздействовать на характер Ивана, и без того человека мнительного, истеричного, безжалостного. Царь во всем видел измену, стремление свергнуть его с престола, убить или отравить. Сам веря в колдовство и волхование, он «по искреннему христианскому долгу» повелевал сжигать ведьм, волхвов и предсказателей. И в то же время постоянно сам окружал себя «разными людишками, в магических науках сведущими». Но как только кто-то из магов или ведьм предсказывал нечто, не приходящееся царю по нраву, тут же попадал на плаху.

Однако один из предсказателей задержался при Иване надолго. Звали его Елисеем Бомелием, и был он выходцем то ли из Голландии, то ли из Неметчины, то ли с далекого Аглицкого острова. В Москву его привез из Лондона тогдашний посол Савин. Царю он рассказал, что Бомелий обучался в Кембриджском университете, но вот только тяготел не к благополучным наукам, изучаемым в стенах благородного университета, а к тайным знаниям – астрологии и алхимической медицине. Именно на почве этих тайных наук Бомелий и снискал себе скандальную известность, как наилучший предсказатель и врачеватель. Вот только скандал вышел такой, что по приказу лондонского архиепископа студента-смутьяна отправили в тюрьму. Однако за Бомелия стали хлопотать влиятельные лондонцы, так что архиепископ почел за благо предложить врачевателю сделку: власти отпускают Бомелия, но он обязан навсегда покинуть страну. Вот тут-то, понимая, что столь сведущий в тайных науках человек понравится Ивану Грозному, посол Савин и пригласил Бомелия к московскому двору.

Елисей быстро вошел в доверие к царю. Стал придворным врачевателем и первым астрологом Ивана Грозного. По звездам и планетам предсказывал будущие события. Лечил самого царя и его многочисленных любовниц. Он даже оказался допущен к отбору кандидатов в царские невесты: осматривал девок как врач и составлял их гороскопы, совмещенные с гороскопом царя. Он показывал Ивану звезды и давал читать старинные «черные книги». В потайной комнате царских хором он готовил яды, которые по приказу Ивана Грозного подсыпали в пищу и питье его врагов.

Грозный доверился Бомелию настолько, что стал вести с ним секретные ночные беседы. В одну из таких откровенных ночей царь спросил у Бомелия:

– Скажи, Елисей, что ждет меня и род мой?

Астролог не хотел отвечать. Но царь настаивал. И тогда Бомелий проговорил:

– Хочешь правды или утешения?

Грозный сверкнул глазами:

– Утешения мне не надобно, желаю правды!

Бомелий достал свой заветный магический шар и, внимательно взглянув на его резкие хрустальные грани, вымолвил:

– Я видел твою смерть. Твою душу несли два демона, увлекая ее в пучину ада.

Царь нахмурился:

– Дурная весть... А сыновья мои?

Бомелий вновь поглядел на шар и проговорил:

– Старший падет от руки твоей. Средний будет слаб и умрет рано. Третий погибнет от собственной руки.

– Врешь, собака! – заорал царь и, войдя в раж, метнул в Бомелия массивный серебряный подсвечник.

От удара висок предсказателя окрасился кровью, волосы чуть не загорелись. Бомелий упал на пол, а царь в гневе выскочил вон.

В ту же ночь астролог решил бежать. Взял подорожную на своего слугу, зашил золотишко в нательный пояс и был таков. Но в Пскове его поймали и вернули в Москву. При царском дворе пытали бесчеловечно. Ну а казни предали такой, что и сказать страшно. Предсказателя проткнули железным вертелом и долго, еще живого, поджаривали на медленном огне. Словом, наградили по-царски...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.